

Книга, которую обязательно следует прочитать.

Sunday Express

ДЖУЛИАН ФЕЛЛОУЗ

Тени прошлого

От создателя сериала
«АББАТСТВО ДАУНТОН»,
который покори́л весь мир

The Big Book

Джулиан Феллоуз

Тени прошлого

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Феллоуз Д.

Тени прошлого / Д. Феллоуз — «Азбука-Аттикус», 2008 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-14804-8

Благодаря своему другу Дэмиан попадает в высший свет, где сразу же становится душой общества. Приглашения на балы, вечеринки, пикники и праздники в загородных имениях следуют одно за другим. Девушки готовы на все, лишь бы привлечь внимание остроумного и красивого молодого человека. Почти сорок лет спустя смертельно больного, одинокого, но очень богатого Дэмиана гложет одна мысль: кому завещать свое состояние? Его бывший друг, а ныне заклятый враг соглашается найти женщину, письмо которой утверждало, что она родила ребенка от Дэмиана. Отправляясь на поиски, рассказчик сталкивается не только с прошлым Дэмиана, но и со своим собственным... Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14804-8

© Феллоуз Д., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Дэмиан	6
Глава 1	6
Глава 2	22
Люси	40
Глава 3	40
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Джулиан Феллоуз

Тени прошлого

Julian Fellowes

PAST IMPERFECT

Copyright © Julian Fellowes 2008

The right of Julian Fellowes to be identified as the author of this work has been asserted in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988.

All rights reserved

First published in Great Britain in 2008 by Weidenfeld & Nicolson, London

© Е. Кисленкова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Эмме и Перегрину, без которых ничего и никогда не было бы
написано*

Дэмиан

Глава 1

Мой нынешний Лондон населен призраками, и один из них – я сам. Я иду по своим делам, и каждая улица, каждая площадь шепчет об иных, прежних периодах моей жизни. Короткая прогулка по Челси или Кенсингтону приводит к двери, за которой когда-то были мне рады, но сегодня никто не узнает. Я возникаю из воздуха – молодой, ради позабывшейся уже шалости разодетый в подобие национального костюма какой-то балканской страны, вечно раздраемой войнами. Эти расклешенные брюки, эти рубашки в рюшах с отложными воротниками – о чем мы тогда только думали? Перед моими глазами мимо призрака меня, юного и стройного, проходят тени усопших: покойные родители, тетушки и бабушки, дядюшки и кузены, друзья и подруги, уже покинувшие этот мир или, по крайней мере, покинувшие остаток моей жизни. Говорят, одна из примет надвигающейся старости – когда прошлое становится реальнее настоящего. И я уже чувствую, как минувшие десятилетия жестче давят на мое воображение, отчего недавние воспоминания меркнут и гаснут.

Вполне понятно, почему я удивился, даже опешил, обнаружив среди счетов, писем с благодарностями и просьбами о финансовой поддержке, что ежедневно скапливаются у меня на столе, письмо Дэмиана Бакстера. Такого я не мог и предположить. С нашей последней встречи мы не виделись уже лет сорок и не поддерживали никаких отношений. Это может показаться странным, но каждый из нас прожил жизнь в своем мирке. И хотя Англия – страна маленькая, она тем не менее достаточно велика, чтобы за все это время наши с ним пути ни разу не пересеклись. Но была и другая, более веская причина удивиться.

Я ненавидел его.

Одного взгляда на конверт мне хватило, чтобы понять, от кого письмо. Почерк остался тем же, хотя изменился, как детское лицо, над которым потрудились безжалостные годы. Так или иначе, до того утра я почти не вспоминал о Дэмиане и не поверил бы, что существует причина, заставившая его написать мне. Или меня написать ему. Надо сказать, однако, что получение столь неожиданного послания меня вовсе не оскорбило. Ничуть. Всегда приятно получить письмо от старого друга, но в моем возрасте еще приятнее весточка от заклятого врага. В отличие от друга, враг расскажет вам о вашем прошлом то, чего вы еще не знаете. И если в полном смысле врагом Дэмиана назвать было нельзя, он мог считаться моим бывшим другом, что намного хуже. Мы расстались со скандалом, жестко, в порыве безудержной ярости, которую еще больше распалял жар сожженных за нами мостов, и разошлись каждый в свою сторону, не предпринимая попыток загладить ущерб.

Письмо, во всяком случае, было честное. Англичане, как правило, не любят ситуаций, вследствие чьего-то поведения запомнившихся как «неловкие». Обычно значимость всех нелицеприятных сцен из прошлого принижают, о них упоминают туманно и снисходительно: «Помните тот ужасный обед, который давала Джоселин? И как только мы его пережили?» Или, если эпизод никак нельзя подобным образом подать как незначительный и безвредный, собеседники делают вид, что его и не было. «Как давно мы с вами не виделись!» – такое начало нередко следует перевести как: «Не стоит продолжать нашу вражду, все это произошло в незапамятные времена. Вы готовы подвести черту?» Если слушающий готов, ответ будет дан в столь же невозмутимой манере: «Да, надо бы встретиться. Чем вы занимались, с тех пор как покинули компанию „Лазард“?» Этого оказывается вполне достаточно, чтобы обозначить: все дурное закончилось, можно возобновить добропорядочные отношения.

Но сейчас Дэмиан отказался от общепринятой практики. Его прямолинейность была сродни древнеримской. «Осмелюсь предположить, что после всего произошедшего ты не рассчитывал еще раз услышать обо мне, но ты окажешь мне большую любезность, если почтишь меня своим присутствием, – писал он в своей жесткой и по-прежнему достаточно злой манере. – Не представляю себе, что после нашей последней встречи может подвигнуть тебя на подобный визит, но, рискуя напроситься на жалость, скажу, что жить мне осталось недолго, и это будет как исполнить последнюю волю умирающего». Что ж, по меньшей мере на уклончивость я ему попенять не мог. Некоторое время я убеждал себя, будто размышляю о его просьбе и пытаюсь принять решение, но на самом деле я сразу понял, что поеду, так как мне необходимо утолить любопытство и я готов снова очутиться в блаженных временах утраченной юности. Поскольку с лета 1970 года я не поддерживал с Дэмианом никаких связей, то, когда всплыло его имя, это не могло не напомнить мне со всей остротой, что мой мир сильно изменился, как, впрочем, и мир любого другого человека.

Хотя это и неправильно, но я прекратил бороться с печальной мыслью, что воздух моих юных лет мне слаще того, в котором я обитаю сейчас. Сегодняшние молодые, резонно защищая свое время, обычно скептически относятся к нашим воспоминаниям о золотом веке, когда покупатель был всегда прав, когда патрули Автомобильной ассоциации отдавали честь эмблеме «АА» на вашей машине, а полицейские, приветствуя, касались шлемов. Слава богу, что закончилась эпоха этой повальной учтивости, говорят они, но учтивость – часть упорядоченного, устойчивого мира, а он, по крайней мере на взгляд из нашего времени, отличается теплотой и добротой. Пожалуй, более всего я скучаю по доброте Англии полувековой давности. Правда, трудно сказать, о ней я сожалею или о собственной ушедшей юности.

– Не понимаю, кто такой этот Дэмиан Бакстер? Что в нем примечательного? – спросила Бриджет, когда вечером мы сидели дома и ели какую-то непомерно дорогую и плохо прожаренную рыбу, купленную у знакомого итальянца на Олд-Бромптон-роуд. – Ты про него никогда не говорил.

В те времена, когда Дэмиан отправил свое письмо – не так давно, в сущности, – я еще жил в большой квартире на первом этаже дома в Уэзерби-Гарденс. Это было уютное местечко, удобное по целому ряду причин и расположенное вблизи ресторанчиков, где можно брать еду на дом, – традиция, к которой мы в последние несколько лет пристрастились. Адрес был не без претензии, и купить эту квартиру я бы никогда не смог, но за много лет до этого ее уступили мне родители, когда окончательно покинули Лондон. Отец пытался возражать, но мать горячо настаивала, что мне нужно же с чего-то начинать, и он сдался. Я воспользовался их щедростью, от души рассчитывая в этом жилище не только начинать, но и заканчивать. В сущности, я почти ничего не изменил там после матери, и в квартире по-прежнему оставалось полно ее вещей. Вот и сейчас мы сидели у окна за маминым круглым столиком для завтрака. Вся квартира могла показаться женской – с очаровательной мебелью эпохи Регентства и портретом кого-то из предков в детстве, мальчика в кудряшках, – если бы моя мужская натура не проявляла себя полным пренебрежением к ее обстановке.

В то время, когда произошла вся эта история с письмом, Бриджет Фицджеральд была моей тогдашней – я хотел сказать «девушкой», но не уверен, что они бывают у людей за пятьдесят. С другой стороны, если для девушки ей слишком много лет, а для компаньонки еще недостаточно, то как ее называть? Современная речь украдала столько слов, извратив их смысл, что, возникни необходимость найти подходящее определение, в заглавниках ничего не нашлось бы. Говорить «партнер» где-либо, помимо средств массовой информации, уже старомодно и небезопасно. Недавно я отрекомендовал второго директора маленькой компании, которой владею, как своего партнера и не сразу понял недоуменные взгляды людей, считавших, что хорошо меня знают. «Вторая половина» звучит точно фраза из комедии положений о секретарше гольф-клуба, а до того момента, когда можно будет сказать: «Это моя любовница», мы

еще не вполне дошли, хотя до этого оставалось уже немного. В общем, мы с Бриджет встречались. Мы были довольно необычной парой: я, не слишком преуспевающий литератор, и она, энергичная ирландская бизнесвумен, занимающаяся недвижимостью, не успевшая в личной жизни вскочить в последний вагон и довольствующаяся мною.

Мама бы не одобрила этого, но она умерла, так что теоретически ее можно было не принимать в расчет, хотя вряд ли мы когда-нибудь освобождаемся от гнета родительского порицания, живы наши родители или нет. Есть, конечно, шанс, что загробная жизнь смягчила ее, но сомневаюсь. Может, мне и стоило прислушаться к ее рекомендациям с того света, ибо не могу не признаться: у нас с Бриджет было мало общего. Но при этом она была умна и мила, и это больше, чем я заслуживал, а я все же одинок, и мне надоели телефонные звонки с приглашениями на воскресные семейные обеды. Так или иначе, мы нашли друг друга, и, хотя формально не жили вместе, поскольку Бриджет продолжала возвращаться в собственную квартиру, мы довольно мирно провели бок о бок уже пару лет. Это была не то чтобы любовь, но все же кое-что.

Возвращаясь к письму Дэмиана, что повеселило меня – это хозяйский тон Бриджет, когда она вспомнила о прошлом, которое не могло быть ей известно. Фраза «Ты о нем никогда не говорил» заявляла только об одном: если бы этот человек был значим в моей жизни, я бы о нем упомянул. Или хуже того: обязан был упомянуть. Все это связано с распространенным убеждением, что если вы тесно с кем-нибудь общаетесь, то вправе знать о нем все до мельчайших подробностей, но такого никогда не бывает. «У нас нет друг от друга секретов!» – говорят в фильмах молодые жизнерадостные лица, тогда как все мы хорошо знаем, что вся наша жизнь наполнена секретами, часто даже от самих себя. Понятно, что в этот момент Бриджет заволновалась: если Дэмиан для меня так важен, но при этом я никогда о нем не заговаривал, то сколько еще важных моментов от нее скрываются? В оправдание я сказал только, что и ее прошлое, подобно моему, да и прошлому всех остальных, – темный лес. Время от времени мы позволяем окружающим заглянуть туда одним глазком, но, как правило, только издали. С темными пучинами воспоминаний все справляются в одиночку.

– Он учился со мной в Кембридже, – ответил я. – Мы познакомились, когда я был на втором курсе, в конце шестидесятых, как раз когда я участвовал в сезоне¹. Я представил Дэмиана девушкам. Они его приняли, и некоторое время мы болтались по Лондону вместе.

– Кавалеры дебютанток, как же, как же! – произнесла Бриджет со смесью притворного восторга и насмешки.

– Рад, что мои юные годы неизменно вызывают на твоих губах улыбку.

– Так что же произошло?

– Ничего не произошло. По окончании университета мы без особой причины расстались. Просто пошли каждый своей дорогой.

Тут я, конечно, солгал.

Бриджет глянула на меня, услышав в моих словах больше, чем я намеревался сказать.

– Если ты поедешь, то, видимо, один.

– Да, я поеду один.

Я ничего больше не объяснял, но, надо отдать Бриджет должное, она и не спросила.

Поначалу я считал Дэмиана Бакстера своим творением, хотя это лишь демонстрирует мою неопытность. Любой фокусник может достать из шляпы кролика, только если он там уже сидит, пусть и хорошо спрятанный. Дэмиан никогда бы не снискал себе успеха, который я ставлю себе в заслугу, если бы не обладал качествами, сделавшими его триумф возможным и даже неизбежным. И тем не менее я не верю, чтобы он в молодости мог пробиться в верхние слои общества без посторонней помощи. И эту помощь оказал ему я. Наверное, поэтому и

¹ Лондонский сезон – период балов и прочих публичных мероприятий высшего света. – *Здесь и далее примеч. перев.*

негодовал потом так яростно на его предательство. Я делал хорошую мину при плохой игре – по крайней мере, старался, – но рана все равно саднила. Трильби предала Свенгали, Галатея разбила мечты Пигмалиона.

«Мне подойдет любой день и любое время, – говорилось в письме. – Теперь я не выхожу и не принимаю у себя, так что полностью в твоём распоряжении. Ты найдешь меня неподалеку от Гилфорда. Если поедешь на машине, это полтора часа, но поездом быстрее. Сообщи мне, что ты решил, и я либо напишу, как доехать, либо отправлю кого-нибудь тебя встретить, на твое усмотрение».

В конце концов, прекратив придумывать отговорки, я написал ему ответ, где предложил дату обеда и указал поезд, на который сяду. Он, в свою очередь, пригласил остаться у него переночевать. Как правило, я, подобно Джорроксу², предпочитаю «где обедаш, там и спиш», поэтому согласился. На том и порешили. И вот однажды приятным июньским вечером я вышел за шлагбаум на вокзале Гилфорда.

Я предполагал увидеть какого-нибудь иммигранта из Восточной Европы с табличкой в руках, на которой фломастером будет с ошибками намалевано мое имя, но вместо этого ко мне подошел шофер в униформе – вернее, человек, похожий на актера, играющего роль шофера в фильме про Эркюля Пуаро. Он негромко и почтительно представился, приподняв фуражку, и повел меня на улицу к новенькому «бентли», припаркованному в нарушение всех правил на местах для инвалидов. Я говорю «в нарушение всех правил», хотя в окне четко был виден знак – полагаю, такие знаки не раздаются направо и налево, – чтобы хозяин мог встречать друзей прямо у поезда и тем не пришлось бы мокнуть под дождем или далеко тащить свой багаж. Но если есть удобная возможность, почему ею не воспользоваться?

Я был в курсе, что дела у Дэмиана пошли хорошо, хотя, как я это узнал, сейчас уже и не припомню: у нас не было общих друзей и мы вращались в совершенно разных кругах. Должно быть, я увидел его имя в списке «Санди таймс»³ или в статье из раздела финансов. Но до того вечера я не вполне понимал, насколько он на самом деле преуспел. Мы мчались по узким дорогам Суррея, и вскоре, глядя на аккуратно подрезанные изгороди и расшитые швы каменной кладки, на лужайки, ровные, как бильярдные столы, и поблескивающий под травой гравий дорожек, я понял, что мы очутились в царстве богатства. Здесь не найти крошащихся воротных столбов, пустых конюшен и сараев с протекающей крышей. Здесь не веяло традицией или былой славой. Я наблюдал не воспоминание о прежнем богатстве, а живое присутствие денег.

Этот мир был отчасти мне знаком. Любой более или менее преуспевающий писатель вращается среди тех, кого бабушка назвала бы всякими личностями, но не могу похвастаться, что эти люди стали для меня своими. Большинство знакомых мне так называемых богатых обладают уцелевшими с былых времен, а не нажитыми с нуля состояниями, это люди, которые раньше были намного богаче. Но дома, что я сейчас проезжал, принадлежали «новым богатым», а это совсем другое. Исходящее от них ощущение силы наполняло меня энергией. Странно, но в Британии до сих пор сохранился снобизм по отношению к новой денежной аристократии. Ожидать гордого презрения к ним со стороны традиционалистов-правых – это еще понятно, но, как ни парадоксально, открыто выражают свое неодобрение людьми, добившимися успеха своими силами, как раз высококобые левые. Не представляю, как это совмещается с представлениями о равных возможностях. Вероятно, левые и не пытаются объединить эти две идеи, а просто повинуются противоположным порывам души, что в той или иной степени делаем все мы. Но если в юности меня можно было обвинить в ограниченности воззрений, сейчас я уже не таков. Сегодня я без зазрения совести восхищаюсь теми, кто самостоятельно

² *Джоррокс* – комический персонаж английского писателя Роберта Смита Сёртиза, бакалейщик-кокни.

³ Публикующийся газетой «Санди таймс» ежегодный список самых богатых людей, проживающих в Великобритании.

сколотил состояние, как и теми, кто, всматриваясь в уготованное им от рождения будущее, не боится перечеркнуть его и набросать другое, получше. Люди, всем обязанные только самим себе, имеют больше шансов, чем остальные, найти свою жизненную стезю. Отдаю должное им и их блистательному миру. Правда, тогда меня, в глубине души, немало раздражало, что частью этого мира оказался Дэмиан Бакстер.

В качестве декорации для своей роскошной жизни он избрал не дворец обедневшего аристократа, а солидный особняк в стиле «Движения искусств и ремесел»⁴, несколько хаотичный, словно из диснеевского мультфильма. Такие дома плохо вязались с образом старой доброй Англии еще на исходе позапрошлого века, когда Лаченс их строил. Дом стоял в парке с террасами, аккуратно подстриженном, с пересекающимися его крест-накрест ухоженными дорожками, но никаких других земель вокруг не было. Видимо, Дэмиан решил не играть в мелкого землевладельца. Здание не походило на усадьбу, уютно расположившуюся среди просторных полей. Это был просто дом, где обосновался успех.

Хотя жилище не было традиционно аристократическим, все же оно оставляло ощущение 1930-х годов, словно его построили на барыши спекулянта времен Первой мировой войны. Присутствие шофера придавало происходящему атмосферу романов Агаты Кристи, ее подкреплял кланяющийся у дверей дворецкий и даже горничная в черном платье и фартуке с оборками, которую я мимоходом заметил, пока шел к лестнице из серого дуба. Хотя горничная была для Агаты Кристи, пожалуй, чересчур фривольна, словно я вдруг переместился в сцену из мюзикла Гершвина. Ощущение причудливой нереальности только укрепилось, когда меня, прежде чем дать поздороваться с хозяином, провели в мою комнату. Такой распорядок всегда вызывает чувство легкого детективного холодка тревоги. Образ одетого в темное слуги, который маячит в дверном проеме, бормоча: «Пожалуйста, спускайтесь в гостиную, когда будете готовы, сэр», больше сочетается с оглашением завещания, чем со светским визитом. Но комната оказалась довольно милой. Стены обиты голубым дамаском, из него же – полог над высокой кроватью. Мебель английская, солидная и надежная, а несколько висевших в проеме между окнами рисунков по стеклу в псевдокитайском стиле были просто очаровательны, хотя во всем этом чувствовался скорее привкус загородного отеля, чем настоящего сельского дома. Впечатлению способствовала и грандиозная ванная комната, с огромной ванной, душевой кабиной, блестящими кранами на длинных трубах, поднимающихся прямо из пола, и новехонькими полотенцами, огромными и пушистыми. В частных домах Центральной Англии подобное увидишь редко. Я привел себя в порядок и спустился. Гостиная, вполне ожидаемо, оказалась громадной, как пещера, со сводчатым потолком и пружинистыми коврами, которые тоже постелили совсем недавно. Это были не ворсистые паласы состоятельного владельца клуба и не примятый от старости антиквариат аристократических домов, а гладкие ковры, упругие и абсолютно новые. Вся обстановка комнаты была приобретена в наше время и даже, видимо, одним покупателем. Никакой мешанины вкусов, которую нередко являют собой загородные виллы, где в одну комнату свезено содержимое десятка домов – плоды двух-трехвековой работы нескольких десятков коллекционеров-дилетантов. Но выглядела комната неплохо. Просто отлично. Мебель по большей части относилась к началу XVIII века, картины чуть более поздние, все превосходное, сверкающее чистотой и в отличном состоянии. Первый раз я отметил это в своей спальне, и теперь мне подумалось, что Дэмиан мог нанять специального закупщика, в задачу которого входило обустроить его жизнь. Хотя никаких видимых следов присутствия такого человека в доме не было. Здесь вообще не ощущалось присутствия людей. Я побродил по комнате, разглядывая картины, не зная, сесть мне или остаться стоять. Как ни странно, несмотря на все свое великолепие, она казалась нежилой, горящий в камине

⁴ «Движение искусств и ремесел» – художественное течение в Англии конца XIX в., охватывавшее живопись, архитектуру, декоративно-прикладное искусство; пропагандировало индивидуализм, возврат к традиционным ремеслам, практичность.

уголь не разгонял стылого воздуха, словно комнату содержали в порядке, но давно ею не пользовались. И еще я не увидел цветов – их отсутствие всегда казалось мне верным признаком отсутствия жизни. Здесь не было ничего живого, отчего безукоризненная чистота приобретала какую-то затхлость, безжизненную стерильность. Я не мог представить, чтобы в создании этой комнаты участвовала женщина или, того пуще, ребенок.

В дверях послышалось шевеление.

– Мой дорогой друг, – произнес голос все с той же хорошо помнившейся мне легкой заминкой, словно говорящий борется с заиканием. – Надеюсь, я не заставил тебя ждать.

В «Гордости и предубеждении» есть такой эпизод, когда Элизабет Беннет замечает свою сестру, которая возвращается с подлым Уикхэмом, спасенная от бесчестия усилиями мистера Дарси. «Лидия по-прежнему оставалась Лидией»⁵, – замечает Элизабет. Так и Дэмиан по-прежнему оставался Дэмианом. Несмотря на то что обаятельный широкоплечий юноша с кудрявыми волосами и непринужденной улыбкой исчез и его место занял ссутулившийся человек, больше всего вызывающий в памяти доктора Манетта⁶, я видел скрытое за характерной запинаящейся речью глубокое и отточенное чувство превосходства и сразу узнал знакомое покровительственное высокомерие, с которым он протянул мне костлявую руку.

– Как приятно тебя видеть, – улыбнулся я.

– Правда?

Мы вглядывались друг в друга, дивясь изменениям – или отсутствию изменений, – которые находили.

Присмотревшись внимательнее, я увидел, что когда Дэмиан писал в письме об исполнении «последней воли умирающего», то говорил истинную правду. Он не просто преждевременно постарел, но был болен, очень болен, возможно, уже прошел точку невозврата.

– По крайней мере, интересно. Можно так сказать.

– Да, так можно сказать. – Он кивнул дворецкому, ожидавшему у дверей. – Скажите, а нельзя ли нам немножко того шампанского?

Меня не удивило, что даже сорок лет спустя он по-прежнему любил облекать свои приказания в неуверенные вопросы. Эта фигура речи звучала в моем присутствии столько раз, что меня можно считать старейшим ее слушателем. Мне кажется, что Дэмиан, как и многие другие люди, практикующие такие фразы, считают, что они придают их словам оттенок милой робости, неловкого, но благородного желания не совершить ошибки, – чувство, которое, как мне доподлинно известно, Дэмиан не испытывал года с 1967-го, да и тогда тоже вряд ли о нем задумывался. Человек, к которому он обратился, не счел, что от него требуется ответ, как это наверняка и задумывалось. Он просто пошел за вином.

Чопорно-молчаливый обед проходил в обеденном зале, неудачно сочетавшем в себе стиль Уильяма Морриса⁷ и Артура Либерти⁸ с эстетикой голливудских холмов. Высокие венецианские окна, тяжелый резной камин и неизменный пружинистый ковер складывались в нечто унылое и невыразительное, словно стол и стулья по непонятной причине поставили в пустом, но дорогом офисе адвоката. Еда тем не менее оказалась отменной, хотя Дэмиан к ней почти не притрагивался, но нас обоих порадовало выбранное им «Шато Марго». Безмолвный дворецкий – как я теперь узнал, его звали Бассетт – не оставлял нас ни на минуту, поэтому беседа, протекавшая в его присутствии, то и дело прерывалась. Помню, как одна моя тетюшка вспоминала, что в предвоенные дни ее поражали застольные разговоры, которые ничуть не сдерживало присутствие слуг. Политические секреты, семейные сплетни, неосмотрительные заме-

⁵ *Остин Дж.* Гордость и предубеждение. Перевод И. Маршака.

⁶ Персонаж произведения Ч. Диккенса «Повесть о двух городах», долгое время пробывший в заключении в Бастилии.

⁷ *Уильям Моррис* (1834–1896) – английский художник-префаэлит, лидер «Движения искусств и ремесел».

⁸ *Артур Либерти* (1843–1917) – английский предприниматель; зачинатель «стиля Либерти» в живописи и дизайне, разновидности модерна.

чания личного характера – все это щедро изливалось перед находившимися тут же лакеями и, верно, оживило немало вечеров в местном пабе и хорошо хоть не издано в мемуарах, как было бы в наши отличающиеся жадностью и распушенностью времена. Но мы уже потеряли непоколебимую уверенность предыдущего поколения в правильности своего образа жизни. Нравится нам это или нет – лично мне чрезвычайно нравится, – но время заставило нас отдавать себе отчет, что те, кто нам прислуживает, тоже живые люди. Для всех, кто родился после 1940-х годов, стены имеют уши.

Поэтому мы с Дэмианом болтали о том о сем. Он расспросил меня о моих родителях, потом я спросил о его родителях. Мой отец немало ему благоволил, но мать, которую природное чутье обычно не подводило, с самого начала предчувствовала беду. Но мамы не стало уже после нашей с ним последней встречи, а у него умерли оба родителя, поэтому говорить тут особенно было не о чем. Потом мы обсудили общих знакомых, так что, когда пришло время переходить к другой теме, мы перебрали весьма солидный список неудачных карьер, разводов и преждевременных смертей.

Наконец он встал, обращаясь к Бассетту:

– Нельзя ли нам выпить кофе в библиотеке?

И снова вопрос прозвучал кротко, словно просьба об одолжении, в которой может быть отказано. Что произойдет, задумался я, если неуверенный вопрос будет воспринят буквально? «Нет, сэр. Я сейчас занят. Постараюсь принести вам кофе, когда освобожусь». Забавно было бы посмотреть. Но этот дворецкий знал, что надо делать, и отправился выполнять завуалированный приказ, а Дэмиан тем временем провел меня в самую очаровательную из виденных мной комнат. По ее виду можно было заключить, что предыдущий владелец, а может, и сам Дэмиан, целиком купил библиотеку из какого-то старого дома – с темными блестящими полками и рядом колонн с искусной резьбой. Камин светло-розового мрамора был изящен. К нашему появлению в стальной топке уже разожгли огонь. Дрожащие язычки пламени, поблескивающие кожаные переплеты, несколько превосходных картин, в том числе большой морской пейзаж, напоминающий Тернера, и портрет молодой девушки работы Лоуренса, – все это вкупе создавало атмосферу теплоты, которой заметно недоставало в остальном доме. Я был несправедлив в своих суждениях. Не отсутствие вкуса, а отсутствие интереса придавало унылость другим комнатам. А здесь Дэмиан, в сущности, и жил. Вскоре нам принесли напитки и кофе и оставили одних.

– Ты хорошо устроился, – сказал я. – Поздравляю.

– Удивлен?

– Не слишком.

– Если ты имел в виду, что я всегда отличался целеустремленностью, признаю, что это так.

– Ты бы от меня не отстал, если бы я сказал по-другому.

– Да нет, – покачал он головой. Я не вполне понял, что он имел в виду, но, прежде чем успел уточнить, Дэмиан продолжил: – Я еще тогда осознал, что проиграл. Оказавшись в ситуации, где успех не предусмотрен в качестве возможного исхода, я принял ее и пошел дальше. Это ты должен поставить мне в заслугу.

Полная чушь!

– Не поставлю, – ответил я. – Возможно, такое похвальное свойство ты приобрел впоследствии, не знаю. Но когда я с тобой познакомился, ты хотел все сразу и проигрывать не умел.

Дэмиан на секунду растерялся. Возможно, оттого, что большую часть жизни он провел в окружении людей, которым, в том или ином виде, платил за соглашательство, он забыл, что не все обязаны следовать их примеру. Дэмиан глотнул бренди, помолчал и кивнул:

– Сейчас, так или иначе, я потерпел поражение. У меня неоперабельный рак поджелудочной железы. Сделать ничего нельзя. Доктор дал мне примерно три месяца жизни.

– Они часто ошибаются в своих прогнозах.

– Они редко ошибаются в таких прогнозах. Но не в моем случае. Может быть, погрешность в несколько недель, но не более того.

– Ясно.

Трудно решить, как следует отвечать на такие заявления, поскольку людям в подобной ситуации нужно очень разное. Вряд ли Дэмиан ожидал от меня причитаний или советов по альтернативному лечению макробиотической диетой. Но как знать. Я ждал.

– Не думай, будто я сетую на несправедливость судьбы. В каком-то смысле моя жизнь подошла к естественному финалу.

– То есть?

– Как ты справедливо заметил, я был весьма удачлив. Я хорошо пожил. Много путешествовал. И в делах успел достичь всего, что хотел. Неплохо, правда? Знаешь, чем я занимался?

– Не особо.

– Я создал компьютерную компанию. Мы одними из первых предвидели огромный потенциал этой области.

– Какая проницательность!

– Ты прав. Звучит скучно, но мне нравилось. В общем, этот бизнес я продал и новый начинать не стану.

– Мало ли. Откуда ты знаешь? – Не понимаю, почему я так сказал, ведь он, безусловно, прекрасно знал.

– Я не жалею. Продал я его большой и солидной американской компании, и они дали мне столько денег, что хватило бы поднять на ноги экономику Малави.

– Но ты же не собираешься потратить их таким способом?

– Вряд ли.

Он замялся. Наступал, что называется, момент истины, готовилась открыться главная причина того, почему я здесь, но Дэмиан был не в силах сделать следующий шаг. Мне показалось, что теперь моя очередь подтолкнуть его в нужном направлении.

– А как личная жизнь? – решил любезно осведомиться я.

Дэмиан на мгновение задумался:

– Нет у меня никакой личной жизни. Ничего такого, что стоило бы называть личной жизнью. Кое-какие варианты для удобства, но ничего более, уже много лет. Я необщителен.

– Когда мы были знакомы, ты был весьма общителен, – проговорил я, не успев оправиться от формулировки «кое-какие варианты для удобства». Черт! Я счел за благо держаться как можно дальше от любых попыток уточнения.

Подталкивать разговор больше не было нужды. Дэмиан уже пустился в воспоминания.

– Как ты знаешь, мне не нравился мир, куда ты меня ввел. – Он с вызовом посмотрел на меня, но мне нечего было ответить, и он продолжил: – Но как ни странно, когда я оставил его, оказалось, что развлечения моего прежнего мира меня тоже не прельщают. Через некоторое время я окончательно перестал ходить на приемы.

– Ты женился?

– Один раз. Мы прожили недолго.

– Прости.

– Не стоит извиняться. Я женился лишь потому, что вступил в возраст, когда начинаешь чувствовать себя неловко, если не женат. Мне было уже тридцать шесть, и люди недоумевали, глядя на мой образ жизни. Я, конечно, сгруппировал. Надо было подождать еще лет пять, друзья начали бы разводиться, и я оказался бы не единственным уродом в цирке.

– Я ее знал?

– О нет! К тому времени я уже бежал из твоего круга общения и, уверяю тебя, не горел желанием туда возвращаться.

– Настолько же и мы не имели ни малейшего желания видеть тебя, – почувствовав облегчение, парировал я. Замаячил след нашей давней вражды, и она была понятнее, чем видимость дружбы, в которую мы весь вечер играли. – И потом, ты не знаешь, каков мой круг. Ты ничего не знаешь о моей жизни. В ту ночь она переменилась, так же как и твоя. Ты считаешь, после лондонского сезона сорокалетней давности у меня был только один путь?

Он не стал протестовать:

– Все верно. Извини. Но Сьюзан ты и правда вряд ли знал. Когда мы познакомились, она владела фитнес-центром под Лезерхедом.

Внутренне я согласился, что наши пути с бывшей миссис Бакстер вряд ли могли пересечься, поэтому ничего не ответил.

– Она была славная, – устало вздохнул Дэмиан. – Не могу сказать о ней дурного. Но нас ничто не связывало... Ты ведь в итоге так и не женился?

– Нет. В итоге.

Ответ прозвучал более резко, чем мне бы хотелось, но Дэмиан не удивился. Тема была болезненна для меня и неприятна для него. По крайней мере, должна быть неприятна, черт побери! Я решил вернуться на более безопасную почву:

– Чем занималась потом твоя жена?

– Замуж вышла. За одного славного парня. У него своя фирма по продаже спортивного оборудования, так что, полагаю, у них больше общего, чем было у нас с ней.

– Дети были?

– Два мальчика и девочка. Не знаю, где они сейчас.

– Я имел в виду, дети от тебя.

– Не было, – покачал головой Дэмиан. На этот раз установилась глубокая тишина. Через несколько минут Дэмиан закончил мысль: – У меня не может быть детей.

Несмотря на внешнюю безапелляционность этого утверждения, в его голосе прозвучала странная незаконченность, как будто он ставил тот чудной и ненужный вопросительный знак, который молодые люди привезли из Австралии, где им заканчивают каждую фразу.

– Вернее, – продолжил он, – когда женился, не мог иметь детей.

Дэмиан замолчал, словно давая мне время осознать эту причудливую фразу. Что же он имел в виду? Вряд ли незадолго до того, как он сделал предложение владелице фитнес-центра, его кастрировали. Поскольку тему задал он сам, я не ощущал вины за то, что мне захотелось задать ему несколько вопросов, но Дэмиан ответил раньше:

– Мы ходили по врачам, и те сказали, что численность сперматозоидов у меня на нуле.

Даже в нынешнем циничном и разобщенном мире на такое тяжелое заявление трудно чем-то возразить.

– Как это печально... – проговорил я.

– Да уж. Было очень... печально.

Судя по всему, с ответом я не угадал.

– И ничего не могли поделать?

– Практически ничего. Называли причины, по которым это могло произойти, но все сочли, что процесс необратим. Так что вот так.

– Вы могли бы попробовать что-нибудь другое. Сейчас столько всего мудреного изобрели... – Я не смог заставить себя изъясниться конкретнее.

– Я бы не стал воспитывать чужого ребенка, – покачал головой Дэмиан. – Сьюзан пыталась переубедить меня, но я не разрешил. Не видел смысла. Если ребенок не твой, то ты ведь по большому счету просто играешь в куклы. Да, это живые куклы. Но куклы.

– Многие бы с тобой не согласились.

– Знаю, – кивнул он. – Сюзан тоже. Она не могла понять, почему ей приходится оставаться бесплодной, когда она не виновата, и это было вполне резонно. Пожалуй, мы поняли, что расстанемся, как только вышли из кабинета врача.

Дэмиан встал, чтобы еще налить себе вина. Он заслужил.

– Ясно, – сказал я, чтобы заполнить тишину. Меня страшило то, что должно было прозвучать.

Когда он продолжил, голос его стал решительней...

– Два специалиста утверждали, что это могут быть последствия перенесенной во взрослом возрасте свинки.

– Я думал, это миф, которым пугают нервных молодых людей.

– Так бывает. Редко, но бывает. Заболевание называется орхит, поражает яички. Обычно оно проходит, и все нормализуется, но иногда, изредка, не проходит. В детстве я не болел свинкой и считал, что уже не могу подхватить ее, но только я подумал, что она мне уже не страшна, у меня сильно заболело горло – через несколько дней после того, как я вернулся из Португалии, в июле тысяча девятьсот семидесятого года. Пару недель провалялся в постели, гланды распухли, так что, наверное, врачи были правы.

Я поехал и выпил. Мое присутствие начинало принимать неприятный оборот. Можно сказать, что это я пригласил Дэмиана в Португалию со своими друзьями. На самом деле все было гораздо сложнее, но отговоркой послужило то, что в компании недостает мужчин и хозяйка попросила меня пригласить Дэмиана. Последствия, как выясняется, оказались катастрофичными. Попытается ли он сейчас обвинить в своей бесплодности меня? Может быть, он вызвал меня для того, чтобы я признал свою вину? Чтобы показать, что я причинил ему той поездкой столько же зла, сколько и он мне?

– Не помню, чтобы тогда кто-нибудь заболел, – сказал я.

Но он все прекрасно помнил.

– Подружка парня, у которого была вилла. Нервная белесая американка. Как ее звали? Элис? Аликс? Пока мы там жили, она постоянно жаловалась на боль в горле.

– У тебя исключительная память.

– У меня было много времени поразмышлять.

В голове внезапно возник образ той выбеленной солнцем виллы в Эшториле, изгнанный из моей сознательной памяти лет на десять. Жаркий белый пляж под террасой, атмосфера пьяных ужинов, пропитанная чувственностью и намеками, подъем на гору под Синтрой, к замку с привидениями, купание в голубых, перешептывающихся волнах, ожидание на огромной площади перед Лиссабонским собором, чтобы пройти мимо тела Салазара... Все впечатления разом воскресли, стали живыми, яркими, как в кино. Это была такая поездка, что отделяет отрочество от зрелости, со всеми сопутствующими опасностями такого путешествия, после которого возвращаешься домой совсем иным, не таким, каким ты был, когда отправлялся в путь. Поездка, в сущности, переменившая всю мою жизнь.

– Да, – кивнул я. – У тебя было предостаточно времени.

– Правда, если бы все дело было в ней, то ребенок мог родиться у меня до этой поездки.

Несмотря на всю его серьезность, я не смог подыграть.

– Даже ты бы не успел. Нам было всего двадцать один. Это сегодня любая девчонка из рабочих кварталов может забеременеть к тринадцати годам, но тогда люди вели себя по-другому.

Я ободряюще улыбнулся, но Дэмиан на меня не смотрел. Он открыл ящик красивого бюро, стоящего под Лоуренсом, и протянул мне письмо. Конверт был уже старый. Я с трудом разобрал штемпель. Что-то вроде: «Челси. 23 декабря 1990 г.»

– Прочти, пожалуйста.

Я осторожно развернул бумагу. Письмо было целиком напечатано на машинке, даже обращение и подпись в конце не были приписаны от руки.

«Здравствуй, дерьмо!» – начиналось оно. Какая прелесть... Я удивленно посмотрел на Дэмиана.

– Читай, читай!

Здравствуй, дерьмо! Скоро Рождество. А еще сейчас довольно поздно, выпито уже очень много, так что у меня хватит духу сказать, что ты на девятнадцать лет превратил мою жизнь в сплошную ложь. Эту ложь я изо дня в день вижу перед собой, и все из-за тебя. Никто никогда не узнает правды, а я скорее сожгу это письмо, чем отправлю его, но ты должен знать, куда завели меня твой обман и моя слабость. Я тебя, пожалуй, не прокляну – не смогу. Но и не прощаю тебя за то, какой стала моя жизнь. Я такого не заслуживаю.

И в конце, после всего текста, автором было напечатано: «Идиотка».

Я недоуменно смотрел на письмо.

– Все-таки она его отправила, – сказал я. – Интересно, сознательно или так получилось случайно?

– Может быть, кто-нибудь взял его со стола в холле и отправил, не говоря ей.

Объяснение не показалось мне невероятным.

– Это должно было сильно ее встревожить.

– Ты уверен, что «ее», а не «его»?

Я кивнул:

– А ты нет? «Моя жизнь – сплошная ложь». «Твой обман и моя слабость». Непохоже, чтобы это писала мужская рука. И какая забавная подпись: «Идиотка». Напоминает слова эстрадных песен нашей молодости. В общем, я предполагаю, что обман, о котором она пишет, относится к области романтических отношений. Вряд ли это писал человек, которого обманом заставили вложить деньги в неудачное предприятие. Следовательно, делаем вывод, что автор письма – женщина. Я не прав? Или жизнь вывела тебя на новые, неизведанные пути?

– Делаем вывод, что женщина.

– Вот видишь, – улыбнулся я. – Как мило, что она не в состоянии тебя проклинать. Очень по-китсовски. Помнишь «Изабеллу, или Горшок с базиликом»? «В урочный час к ней не любовь явилась – воспоминаний сладострастный рой»⁹.

– Как думаешь, что все это значит?

Какие уж тут сомнения.

– Не вижу большой загадки, – ответил я. Но Дэмиан ждал, и мне пришлось произнести вслух: – Судя по всему, ты кого-то обрюхатил.

– Да.

– Полагаю, обман, о котором она говорит, был некой клятвой в вечной любви. Ты принес ее ради того, чтобы заставить свою пассивность прыгнуть в койку.

– Ты груб.

– Да что ты? И в мыслях не было. Как все мальчишки в те дни, я и сам часто пытался проделать то же самое. Слова о ее слабости означают, что в тот раз твои старания все же увенчались успехом.

Но я мысленно вернулся к его вопросу. Значит ли, что Дэмиану все казалось не столь очевидным?

⁹ Перевод Г. Гампер.

– А почему ты спросил? Есть другое истолкование? Полагаю, эта женщина была в тебя влюблена, и ее жизнь с тех пор превратилась в сплошную ложь, потому что бедняжка вышла замуж за другого, хотя ей хотелось быть с тобой. Ты об этом думаешь?

– Нет. Не совсем. Если она только об этом, то стала бы она писать двадцать лет спустя?

– Некоторым людям требуется много времени, чтобы это пережить.

– «Эту ложь я изо дня в день вижу перед собой». «Никто никогда не узнает правды». Не узнает правды о чем?

Он произнес это так, будто в ответе на этот вопрос не могло быть никаких сомнений. И я с ним согласился.

– Как я уже сказал, она от тебя забеременела, – повторил я.

Дэмиан словно вздохнул с облегчением, что никакого другого объяснения этому письму быть не может, словно до сих пор он экзаменовал меня.

– И родила, – кивнув, добавил он.

– Видимо, так. Правда, все становится похоже на историческую пьесу. Она могла бы избавиться от ребенка.

На это Дэмиан ответил мне своим неповторимым высокомерным взглядом с презрительной ухмылкой. Как же я хорошо ее помнил...

– Полагаю, аборт был противен ее принципам. У некоторых людей, знаешь ли, есть принципы.

Теперь пришел мой черед презрительно фыркнуть.

– Из твоих уст я не готов выслушивать наставления, – сказал я, и ему пришлось это проглотить. Вся эта история начинала меня раздражать. Почему мы тратим на нее столько времени? – Ну хорошо. Она родила ребенка. И никто не знает, что отец – ты. Всё. Точка. – Я посмотрел на конверт, который он так тщательно сберег. – Или не точка? Приходило что-то еще?

– Именно так я поначалу и подумал, – кивнул он. – Что это начало какой-то... аферы по вымоганию денег.

– Аферы?

– Так выразился мой адвокат. Я отправился к нему. Он снял копию и велел мне ждать следующего обращения. Сказал, что она выстраивает основание требовать денег и нам нужно заранее подготовить план действий. В те дни обо мне часто писали в газетах, мне уже сопутствовала удача. Вполне логично, что эта женщина вдруг осознала, что отец ее ребенка богат и сейчас самый удобный момент нанести удар. Моему сыну или дочери тогда должно было быть около двадцати лет...

– Девятнадцать, – поправил я. – Ее жизнь была сплошной ложью девятнадцать лет.

На секунду Дэмиан озадаченно задумался, потом кивнул:

– Девятнадцать. Как раз начинает самостоятельную жизнь. Деньги пришлось бы очень кстати.

Он покосился на меня. Мне нечего было добавить, поскольку, как и его адвокат, я считал, что все вполне логично.

– Я бы ей заплатил, – словно оправдываясь, проговорил он. – Я был к этому готов.

– Но она больше не писала.

– Нет.

– Может быть, умерла.

– Может быть. Хотя такой исход слишком напоминает мелодраму. Вероятно, ты прав, письмо отправили случайно. В общем, больше мы от нее ничего не получили, и мало-помалу все забылось.

– Так почему мы все это обсуждаем?

Дэмиан ответил не сразу. Сперва встал, подошел к камину. Перед топкой лежало выка- тившееся из огня полено, и он с утомительной педантичностью взялся поправлять его камин- ными щипцами.

– Дело в том, что... – наконец, глядя в огонь, но обращаясь ко мне, начал он, – я хочу найти этого ребенка.

Это уже было совершенной бессмыслицей. Если он хотел совершить благое дело, то почему было не совершить его восемнадцать лет назад, когда в том был какой-то смысл?

– А не поздновато? – спросил я. – Прийти и представиться папашей было нелегко даже тогда, когда она только написала письмо, а сейчас этот «ребенок» – мужчина или женщина лет под сорок. Состоявшийся человек. Теперь уже поздно его воспитывать.

Все эти шпильки не возымели ни малейшего действия. Сомневаюсь даже, что Дэмиан меня вообще услышал.

– Я хочу найти его, – повторил он. – И хочу, чтобы его нашел ты.

Было бы глупо притворяться, что я еще не сообразил, к чему он клонит. Но браться за такое поручение мне совсем не улыбалось. И я ни в коей мере не собирался соглашаться.

– Почему я?

– К тому моменту, как мы с тобой познакомились, я переспал всего с четырьмя девуш- ками.

На любого мужчину моего поколения уже это произвело бы впечатление. К девятна- дцати годам – столько нам было, когда мы впервые встретились, – я, насколько мне помнится, добрался, самое большее, до поцелуя на танцплощадке.

Но Дэмиан продолжал:

– Со всеми четырьмя я встречался вплоть до начала семидесятых, и это наверняка не одна из них. Потом мы с тобой бегали по балам, и я все время был занят. Пару лет спустя, когда тот период подошел к концу, мы поехали в Португалию. И после этого я стал бесплоден. Кроме того, посмотри на почерк, посмотри на бумагу, прочитай, какие выражения она использует. Эта женщина образованна...

– И склонна к театральности. И пьяна.

– Что не мешает ей принадлежать к аристократическому классу.

– Пожалуй, – поразмыслив, ответил я. – А что происходило в те несколько лет, что про- шли между концом того сезона и Португалией?

– Почти ничего, – покачал он головой. – По большей части девушки легкого поведения да еще парочка осталась с тех времен, когда мы с тобой дружили. Никто из них не родил ребенка до того лета. – Он устало вздохнул. – Так или иначе, если женщина говорит, что ее жизнь превратилась в ложь, значит ей есть что терять. Есть за что держаться, есть то, чему грозит опасность, если вскроется правда. Она написала мне в девяностом году, когда последними, кто еще задумывался о законнорожденности, остались высший класс и верхний слой среднего класса. Любой нормальный человек уже давно бы сделал тайну всеобщим достоянием.

Усилия, потребовавшиеся, чтобы проговорить эти слова, да еще возня с камином лишили Дэмиана последних сил, и он со стоном опустился в кресло.

Мне не было жаль его. Совсем напротив. Меня поразила бестактность его просьбы.

– Но я тебе никто. Я не имею к тебе никакого отношения. Мы совершенно разные люди. – Я не пытался оскорбить его. Мне просто было не понять, почему все эти дела должны оказаться на моей совести. – Пусть мы и были когда-то приятелями, но сейчас уже нет. Подумаешь, схо- дили вместе на танцы сорок лет назад. Потом разругались. Наверняка есть люди, которые тебе гораздо ближе. Не верю, что я единственный человек, который способен взвалить подобный груз на себя.

– Но это так и есть. Эти женщины принадлежали к твоему кругу, а не к моему. У меня нет других друзей, которые могли быть с ними знакомы или хотя бы слышали о них. И если мы ведем с тобой этот разговор, то именно потому, что других друзей у меня нет.

Это уже был неслыханный эгоизм.

– Значит, у тебя вообще нет друзей, потому что меня считать не надо.

Как только у меня вырвались эти слова, я сам пожалел о них. Раз я увидел, что он умирает, не было смысла наказывать его за прошлое, как бы ни хотелось вернуть то, чего уже не вернешь.

Но Дэмиан улыбнулся:

– Ты прав. У меня нет друзей. Как тебе прекрасно известно – лучше, чем многим другим, – я никогда не понимал этот способ человеческих отношений. Если ты откажешься, мне больше просить некого. Я даже частного детектива не могу нанять. Та информация, которая мне нужна, должна быть доступна только своему человеку.

Я чуть было не предложил ему самому заняться поисками, но лишь только глянул на его трясущееся, словно пустое внутри тело, слова застряли у меня в горле.

– Сделаешь? – спросил он.

К этому моменту я уже был уверен, что мне категорически не хочется соглашаться. Не только по причине того, что поиски представлялись делом болезненным, трудоемким и щекотливым, но еще и потому, что мне все больше претила мысль копаться как в прошлом Дэмиана, так и в своем собственном. Время, о котором он говорил, миновало. Для нас обоих. Я почти не поддерживал отношений с людьми из тех лет, и виноват в этом был Дэмиан, что он сам прекрасно понимал. Да и какая мне польза ворошить все эти дела? Я решил напоследок предпринять попытку воззвать к лучшим сторонам души Дэмиана Бакстера. Даже в таких людях, как он, бывает что-то хорошее.

– Дэмиан, задумайся! Ты вправду хочешь перевернуть этому человеку всю жизнь? Этот мужчина или женщина знают, кто они такие, и живут как могут. Обрадуется ли твой сын или дочь, узнав, что на самом деле он или она совсем другой человек? Ты собираешься заставить их считать своих родителей неродными, а то и порвать с ними? Ты это хочешь повесить на свою совесть?

Дэмиан невозмутимо смотрел на меня:

– Мое состояние, после вычета налога на наследство, составит пятьсот миллионов фунтов с лишним. Я намерен сделать своего ребенка единственным наследником. Ты готов взять на себя ответственность лишить его наследства? Ты хочешь это повесить на свою совесть?

Делать вид, что разницы никакой, было неразумно.

– С чего начинать? – спросил я.

Он заметно расслабился:

– Я предоставляю тебе список девушек, с которыми переспал за эти годы и которые родили ребенка до апреля семьдесят первого года.

Впечатляющее заявление. Список девушек, с которыми за тот же период переспал я, как родивших ребенка, так и не родивших, уместился бы на обратной стороне визитной карточки. К тому же как-то все это было педантично и по-деловому. Я-то думал, мы ведем некий философский диспут, но теперь понял, что мы подошли, что называется, ближе к делу. Дэмиан наверняка почувствовал мое удивление.

– Мой секретарь уже немного поработал с этим списком. Тебе ни к чему связываться с теми девушками, у которых не было детей.

Что ж, логично.

– Полагаю, этот список полон.

– А девушки, которые спали с тобой, но в указанное время не забеременели?

– О них беспокоиться не будем. Зачем проделывать лишнюю работу, – улыбнулся он. – Мы уже существенно проредили этот список. Есть еще парочка тех, с кем я спал, и они рано

родили, но, пользуясь выражением матери императрицы Евгении, когда утверждали, что она родила дочь не от законного мужа, «les dates ne correspondent pas»¹⁰. – Он рассмеялся с видимым облегчением, убедившись, что его план осуществится. – Хочу, чтобы ты знал: я подошел к делу очень серьезно, и вероятность, что искомым окажется любое имя из списка, достаточно велика.

– Так с чего же мне начать?

– Просто свяжись с ними. За одним исключением, у меня есть все нынешние адреса.

– Почему ты не хочешь попросить их сдать тест на ДНК?

– Женщины этого круга никогда не согласятся на это.

– Ты их романтизируешь из-за своей неприязни. Подозреваю, что никто бы не отказался.

Так же как и их дети, когда узнали бы, для чего это нужно.

– Нет. – Он вдруг снова стал тверд. Видно было, что мое замечание его раздосадовало. – Я не хочу, чтобы об этом заговорили. Только мой настоящий ребенок должен знать, что я его ищу. Когда деньги окажутся у него, пусть это будет его выбор, раскрывать или нет, откуда и почему он их получил. До тех пор все это для моего личного удовлетворения, не на потребу публике. Проведи анализ для одного из кандидатов, который окажется не моим ребенком, и на следующей неделе мы прочитаем всю историю в «Дейли мейл». – Он покачал головой. – Может быть, мы в конце концов проведем тест, но только когда ты определишь, кто из предполагаемых моих отпрысков на самом деле мой.

– Но предположим, что одна из этих женщин родила ребенка втайне от всех и отдала на усыновление?

– Никто из них этого не сделал. По крайней мере мать моего ребенка так не поступила.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что в этом случае она не видела бы каждый день перед собой свою ложь.

Мне больше нечего было добавить, по крайней мере пока я все не обдумаю. Дэмиан это, кажется, понимал и не желал торопить события. Он собрался с силами и неуверенно встал:

– Я иду спать. Несколько месяцев не ложился так поздно. Список ты найдешь в конверте у себя в комнате. Если хочешь, можем еще раз обсудить его завтра утром перед твоим отъездом. Рискую показаться вульгарным, как выразился бы ты, но там же тебя ждет кредитная карта, которая покроет любые издержки, какие ты за время работы сочтешь необходимым на нее отнести. Я не стану оспаривать никакие траты.

Последнее замечание меня не на шутку взбесило, поскольку вынуждало считать Дэмиана благородным. Но какое уж тут благородство! Откровенное выкручивание рук.

– Я еще не согласился, – ответил я.

– Надеюсь, что согласишься. – Дэмиан уже был у дверей, но остановился. – Ты с ней сейчас видишься? – спросил он, уверенный, что пояснять ничего не потребуется. И не ошибся.

– Нет. Почти нет. – Я задумался. Прошло несколько болезненных секунд. – Очень редко, на каком-нибудь вечере, на свадьбе и тому подобное. Считаю, не видимся.

– Но вы не враги?

– О нет! Улыбаемся. И даже разговариваем. Никким образом не враги. Мы друг другу никто.

Он колебался, словно размышлял, можно ли продолжать в этом направлении.

– Я тогда был совершенно не в себе.

– Да.

– Но я хочу, чтобы ты понимал: я отдаю себе в этом отчет. Я просто обезумел. – Он помолчал, словно я мог дать на это какой-то подходящий ответ. Но отвечать тут было нечего. – Поможет, если я скажу, что сожалею? – спросил он.

¹⁰ «Даты не совпадают» (фр.).

– Не особенно.

Он кивнул. Мы оба знали, что добавить больше нечего.

– Можешь сидеть здесь, сколько тебе захочется. Выпей еще виски, посмотри книги. Некоторые из них тебя наверняка заинтересуют.

Но я еще не закончил.

– Почему ты тянул до сегодняшнего дня? – спросил я. – Почему не навел справки сразу, как получил письмо?

Вопрос заставил его остановиться и задуматься. Свет из холла падал сквозь приоткрытую дверь, и морщины на его измученном лице становились еще глубже.

– Даже не знаю. Возмущало, что кто-то возомнил, будто может на меня претендовать. Я полагал, что если найду ребенка и удостоверюсь в его происхождении, то дам ему власть над собой. И мне, в сущности, никогда не хотелось иметь детей. Наверное, поэтому я и не прислушался к просьбам жены. Ребенок не входил в мои планы. Никогда не испытывал отцовского инстинкта.

– Однако сейчас ты готов отдать этому незнакомцу столько денег, что хватило бы на постройку целого промышленного городка. Почему? Что изменилось?

Дэмиан задумался и едва заметно вздохнул, отчего его узкие плечи поднялись и опали. Пиджак, видимо когда-то сидевший безупречно, свободно болтался на высохшем теле.

– Я умираю и ни во что не верю, – просто сказал он. – Это мой единственный шанс на бессмертие.

Сказав это, он ушел, и я остался наедине с его библиотекой.

Глава 2

Я плохо разбираюсь в людях. Мои впечатления при первой встрече неизменно оказываются ошибочны. Хотя – что поделаешь с человеческой природой – прошло немало лет, прежде чем я заставил себя признать этот недостаток. В молодости мне казалось, что я обладаю великолепным чутьем отличать хорошее от плохого, утонченное от низкопробного, благородное от вульгарного. Но Дэмиан Бакстер всегда оценивал характер безупречно. Он сразу понял, что мной легко манипулировать.

Как выяснилось, в сентябре 1967 года мы оба приехали учиться в Кембридж, но в разные колледжи, вращались среди разных людей, и только в начале летнего семестра 1968 года – кажется, в начале мая – наши пути впервые пересеклись на вечеринке в университетском дворе, и я наверняка там отчаянно рисовался. Мне было девятнадцать лет, я входил в ту бурную пору жизни, когда такой человек, как я, по крайней мере в те годы, внезапно осознает, что мир сложнее, чем казалось, в нем множество людей и возможностей и ты вовсе не обязан вечно прозябать в тесных границах интерната и родного округа, – всё, что так называемое привилегированное воспитание предоставило в мое распоряжение на тот момент. Я вовсе не был нелюдом, но и крупными успехами среди сверстников похвастаться не мог. Меня затмевали обаятельные, остроумные кузены, и, поскольку я не обладал ни внешностью, ни обаянием, чтобы составить им конкуренцию, мне нечего было предпринять, чтобы меня замечали.

Моя дорогая матушка понимала мое бедственное положение, которое с горечью наблюдала много лет, но облегчить его ничем не могла. До тех пор пока, увидев, как благотворно сказывается на моей уверенности в себе поступление в университет, не решила этим воспользоваться, чтобы поддерживать во мне любовь к приключениям, и снабдила лондонских друзей, у которых подросли дочери подходящего возраста, соответствующими инструкциями. Как ни удивительно, но я послушался ее и начал сам выстраивать себе круг общения, где мне не пришлось бы больше выносить удручающие сравнения не в свою пользу и где я смог бы воспрянуть духом.

Сегодняшним молодым людям может показаться странным, что я позволял родителям так себя опекать, но сорок лет назад мир был устроен по-другому. Во-первых, тогда люди не боялись постареть. В те дни еще не возникла наша причудливая культура снисходительного отношения к старости, в которой телеведущие средних лет, стремясь завоевать доверие подростковой аудитории, беззастенчиво притворяются, что разделяют ее вкусы и мнения. Здесь, как и во многих других областях, мы мыслили не так, как мыслят сегодняшние люди. Разумеется, нас разделяли политические воззрения, принадлежность к социальным классам и – в меньшей степени, чем сейчас, – религия, но главное различие проходило не между правыми и левыми, не между аристократами и низшими сословиями, а между поколением шестьдесят восьмого года и людьми на четыре десятилетия старше.

В моем мире начала шестидесятых родители устраивали жизнь своих детей до невозможности дотошно, договариваясь друг с другом, когда на школьных каникулах организовывать вечеринки и в чьих домах, какие предметы будет изучать в школе их отпрыск, какую стезю ему предстоит избрать после университета и, прежде всего, с какими друзьями он будет проводить время. По большому счету тиранией назвать это нельзя, но если наши родители решали воспользоваться своим правом вето, мы редко его оспаривали. Помню наследника одного соседа-баронета: молодой человек часто напивался и постоянно дерзил и по этой причине вызывал исключительный восторг у меня и сестры и резкое неприятие у наших родителей. Мой отец, ни больше ни меньше, отказал ему от дома, за исключением случаев, когда его отсутствие вызовет разговоры. Можно ли поверить, что подобная фраза могла быть произнесена в наши дни? Да, мы даже тогда посмеялись над этим вердиктом. Но не нарушали его. Мы были типичным

продуктом своего происхождения, какой сегодня встретишь редко. Многие сетуют на падение родительского авторитета. Было ли оно срежиссировано извне, как хочет нас убедить консервативная пресса? Или все случилось потому, что пришло время, как пришло оно для двигателя внутреннего сгорания и пенициллина? В любом случае непререкаемая власть родителей исчезла из многих областей жизни общества, растаяла как прошлогодний снег.

Так или иначе, в ту весну во внутреннем дворе университета устраивали коктейльный вечер, на который почему-то пригласили и меня. Сейчас уже не скажу, было то официальное мероприятие или частная попойка, но все мы собрались и чувствовали себя умными и исключительными и, наверное, все еще гордились, что пользуемся репутацией талантливых ребят. Как ни вздорно выглядит с высоты утомленного жизнью среднего возраста это мелкое тщеславие, все же вряд ли стоит приписывать нам тогдашним серьезные грехи. Нам казалось, что мы взрослые – это неправда, – что обладаем изящными манерами – на самом деле не слишком – и что все рады с нами познакомиться. Хотя после моей тягостной юности я по сей день сохранил хорошо знакомое мне сочетание заносчивости и страха, столь типичное для подростка лет восемнадцати, когда надменный снобизм идет рука об руку с болезненным неумением общаться. Видимо, как раз эта несочетаемая смесь сделала меня таким уязвимым к нападкам.

Как ни странно, я четко помню, в какой момент Дэмиан вошел в мою жизнь. Это было очень символично: когда он появился, я разговаривал с Сереной, так что мы с Сереной познакомились с ним одновременно, в одно и то же мгновение, – подробность, которая лишь впоследствии показалась мне любопытной, хотя в тот момент я не обратил на нее внимания. Не знаю, почему Серена оказалась там. Она была не из числа девушек, стремящихся попасть в компанию студентов. Может быть, остановилась у кого-нибудь жившего недалеко от колледжа, и ее взяли с собой на вечеринку. Сейчас уже не узнать. Тогда я еще плохо знал ее, но мы были знакомы. Любопытная отличительная черта, на нее не обращают внимания в современном мире, где люди, которые пожали руки и приветственно кивнули, скажут вам, что знают друг друга. Порой человек заходит еще дальше и на основе лишь того, что здоровается с кем-то за руку, заявляет: «Он мой друг». Если вторую сторону это устраивает, та молча одобряет выдумку и в какой-то мере превращает ее в правду. Хотя на самом деле ни о какой дружбе речи не идет. Сорок лет назад мы более отчетливо осознавали градации человеческих отношений, в том числе и отношений с людьми настолько недоступными для меня, как Серена.

Леди Серена Грешэм с рождения не страдала от печати неуверенности в собственных силах, которая мучила всех остальных, и от этого с самого начала выделялась среди нас. Я мог бы назвать ее необычайно самоуверенной, но это было бы неправильно, поскольку такая фраза вызывает в уме образ яркой и дерзкой красотишки, стремящейся быть в центре внимания. Из всех возможных определений это последнее, которого заслуживала Серена. Ей не приходило в голову мучиться размышлениями, кто она и что собой представляет. Она никогда не задавалась вопросом, понравится ли другим, и когда нравилась, не извлекала из этого выгоды. Как мы бы сказали сегодня, Серена находилась в гармонии с самой собой, а в юные годы как тогда, так и сейчас это выглядит притягательно. Ее легкая отстраненность, словно она неспешно плыла под водой, сразила меня с первого взгляда, и должно было пройти много лет, прежде чем Серена перестала каждые полчаса возникать в моем незащищенном мозгу. Теперь я знаю, что главная причина ее кажущейся отстраненности состояла в том, что я не интересовал ее, как, впрочем, и большинство из нас, но тогда в этом виделась чистая магия. Я бы сказал, что отношение к ней определяли не столько красота, происхождение или положение в обществе – хотя все это у нее имелось, – а эта призрачная недостижимость. И мне достоверно известно, что не для одного меня 1968-й – это год Серены. Уже весной того года я чувствовал себя счастливым, что хотя бы разговариваю с ней.

Ее положение было высоким, но не исключительным. Серена принадлежала к последним уцелевшим остаткам старого мира. Состояния, нажитые собственным трудом, в те времена были намного меньше, чем несколько десятилетий спустя, и самые богатые, по крайней мере те, кто богато жил, происходили, как правило, из семейств, которые тридцать лет назад были еще богаче. Странные времена для них, бедолаг. В послевоенные годы вылетели в трубу немало семей. Друзья, с которыми они обедали, танцевали и охотились до 1939 года, сами остались ни с чем, и через непродолжительное время большую часть этих несчастных принял в себя верхний слой среднего класса, потерянного статуса они себе так никогда и не вернули. Даже среди тех, кто не утратил присутствия духа, продолжая жить в своих домах и стрелять в собственных фазанов, нашлось немало тех, кто мрачно принял философский принцип «после нас хоть потоп». Через ворота их поместий постоянно выезжали пылящие грузовики, увозящие веками собиравшиеся сокровища, они направлялись в сторону лондонских аукционных домов, чтобы еще одну зиму у семьи было тепло и что-то приличное из одежды.

Но на Серене все эти трудности не сказывались. Она и остальные Грешэмы входили в число немногих избранных, очень немногих, и жили практически так же, как всегда. Возможно, там, где раньше стояло шесть лакеев, осталось только двое. Возможно, шеф-повару приходилось справляться в одиночку, не думаю также, чтобы Серена и ее сестры продолжали пользоваться услугами камеристки. Но в остальном с начала 1880-х годов мало что изменилось, если не считать длины юбки и разрешения обедать в ресторанах.

Отец Серены был девятым графом Клермонтом – милый, даже очаровательный титул. Когда я познакомился с самим графом, он тоже оказался милым и очаровательным человеком, никогда не повышающим голоса, потому что на него никогда не повышали голос, и, как и его дочь, очень легким в общении. Граф Клермонт, как и его дочь, пребывал в некоем блаженном тумане, но если она напоминала мифологического персонажа, прелестную наяду, ускользающую от воздыхателя, его неприкаянность больше напоминала о мистере Пейстри¹¹. Во всяком случае, он плохо воспринимал суровую реальность. Временами казалось, будто под защитой уютного фамильного титула в их роду развилось благодушное и безоговорочное принятие всего происходящего. И сейчас мне кажется, что им стоило позавидовать. В то время я считал, что любовь, состояние влюбленности дается им с трудом, ибо с ним связано слишком много беспорядка, который грозит отвратительными, неприятными последствиями, такими как несварение желудка и расстройство сна. Но ненависти и ссор среди них тоже не было.

Нельзя сказать, что такую жизнь трудно было терпеть. Посредством осмотровых вложений и дальновидных браков, семья легко пережила бури XX века, обзаведясь крупными поместьями в Йоркшире, замком где-то в Ирландии, который я никогда не видел, и домом на Миле миллионеров – частной улице, идущей вдоль Кенсингтонского дворца и считавшейся весьма престижной. В наши дни эти просторные здания расхватали восточные правители и владельцы футбольных клубов, и это снова стали частные владения, но в те годы тамошние здания, одно за другим, превращались в посольства, пока там не осталось ни одной семьи. За исключением Клермонтов, конечно, которые занимали дом под номером тридцать семь, очаровательный каменный торт 1830-х годов, почти у самого Ноттинг-Хилла.

В довершение всего Серена была красавицей, с густыми каштановыми волосами, а кожа словно списана с картины прерафаэлитов. Черты ее лица подчеркивали уникальный дар излучать умиротворенность и подлинную грацию. Эти слова плохо вяжутся с образом девушки восемнадцати лет, но к Серене их можно было отнести в полной мере. Не помню, о чем именно мы говорили, ни на той вечеринке в Кембридже, ни на множестве других приемов и домашних вечеров, на которых мы встречались в следующие два года. Наверное, об искусстве или, может быть, об истории. Сплетничать она не любила. Это свойство объяснялось не столько природ-

¹¹ *Мистер Пейстри* – британский комический телевизионный персонаж середины XX в., рассеянный старик.

ной добротой, сколько отсутствием интереса к жизни других. Не говорили мы и о будущей профессии, хотя не Серену в этом надо винить. Если бы она вела разговоры о карьерных планах, то даже в конце 1960-х неприятно выделялась бы среди сверстников. При этом я никогда не скучал в ее обществе, и не в последнюю очередь потому, что уже тогда был в нее влюблен, задолго до того, как смог себе в этом признаться. Но фатальная безнадежность любви к такой звезде представлялась слишком очевидной тому скопищу страхов, коим являлось мое подсознание, я страшно пасовал перед заведомой неудачей. Как и любой на моем месте.

– Можно с вами поговорить? – произнес глубокий, приятный голос, как раз когда я приближался к соли анекдота, который рассказывал.

Мы оба подняли глаза и увидели, что к нам присоединился Дэмиан Бакстер. И нас это обрадовало, что сегодня мне представляется самым странным.

– Я здесь никого не знаю, – прибавил он с улыбкой, способной растопить Гренландию.

Мои впечатления от Дэмиана настолько перекрылись последующими событиями, что мне тяжело докопаться до своих ранних чувств, но, бесспорно, в ту пору он удивительно притягивал к себе в равной мере мужчин, женщин и детей. Помимо всего прочего, Дэмиан был красив здоровой красотой человека, много времени проводящего на открытом воздухе, красив просто удивительно: яркие, завораживающие синие глаза, длинные густые волосы, которые вились кудрями. Мы все тогда отпускали волосы. И еще он был подтянут, обладал хорошо развитыми мускулами, но не выглядел при этом горой мяса. Он просто излучал здоровье и ум, что, по моему опыту, было сочетанием необычным, и выглядел так, словно каждый день спал по десять часов и никогда в жизни не брал в рот спиртного. Хотя на поверку все было иначе.

– Теперь вы знаете нас, – ответила Серена и протянула ему руку.

Едва ли мне стоит говорить, что Дэмиан прекрасно знал, кто мы такие. Вернее, кто такая она. Выдал он себя позже в тот же вечер, когда мы втиснулись за столик в углу одного сомнительного и довольно обшарпанного ресторанчика недалеко от Магдален-стрит. Когда вечеринка выдохлась, мы прихватили с собой еще пару студентов, но без Серены. Было бы странно, если бы она с нами пошла. Она редко присоединялась к подобного рода спонтанным незадействованным развлечениям. Обычно у нее оказывалась веская, хотя и не уточнявшаяся причина уклониться от приглашения.

Официант принес непереносимые дымящиеся тарелки говядины по-бургундски с густым блестящим соусом – наше основное блюдо. Говорю это не ради критики заведения, а только чтобы показать, как и чем мы тогда питались, и неблагодарно было бы ворчать. Горы политого соуса тушеного мяса в терпком красном вине были для нас отрадой, если учесть, какой выбор предлагался за десять лет до того. Полемика о благотворности изменений в обществе за последние четыре десятилетия не прекращается, что неудивительно, но вряд ли найдутся люди, не радующиеся тому, как благотворно изменилась английская кухня, по крайней мере до тех пор, пока вместе со знаменитыми шеф-поварами нового века не явилась сырая рыба, а также традиция не доводить блюда до готовности. Когда я был ребенком, еда, доступная широкому британскому обществу, представляла собой печальное зрелище и состояла главным образом из безвкусных школьных обедов, где овощи безнадежно вываривались. В частных домах иногда можно было попробовать что-то получше, но даже дорогие рестораны подавали на вычурных тарелках с ужасными розетками из зеленого майонеза блюда, есть которые было тем труднее, чем дороже они стоили. И поэтому, когда стали появляться бистро, с традиционными скатертями в клеточку и тающими свечами в горлышках зеленых винных бутылок, мы им обрадовались. Десятилетие спустя они стали темой для анекдотов, но тогда явились нашим спасением.

– Вы бывали в доме у Серены в Йоркшире? – спросил Дэмиан.

Остальные двое присутствующих озадаченно переглянулись, и их можно было понять: за все время разговора никто не упоминал ни Йоркшир, ни династию Клермонт.

Эти слова должны были прозвенеть для меня тысячей звонких колокольчиков, но я был так глуп тогда, что меня они не насторожили. Я просто ответил на заданный вопрос:

– Один раз, пару лет назад, на каком-то благотворительном вечере.

– И как там?

Я задумался. Точной картины у меня в голове не сохранилось.

– Массивное здание в григорианском стиле. Богатое. Но красивое.

– И большое?

– О да! Не Бленхейм, конечно. Но большое.

– Вы, наверное, с ней всю жизнь знакомы?

И опять, как я потом понял, это была подсказка, если бы мне хватило ума расшифровать ее. Давно, задолго до этого вечера, Дэмиан приобрел отчаянно романтическое представление о высшем свете, понимая, что он чужак для этих людей, но исполнившись решимости войти в их круг. Хотя даже в 1968 году эти планы были несколько странными, особенно для такого человека, как Дэмиан Бакстер. Нельзя сказать, что он был одинок в своих стремлениях – есть предостаточно таких, кто и сейчас желает того же, – но Дэмиан был порождением своего века, целеустремленной, амбициозной, сильной личностью – и раз я так говорю, можно не сомневаться, что это правда. Ему всегда нашлось бы место в новом, зарождающемся обществе. С чего цепляться за увядающую славу голубой крови, за эти унылые ходячие учебники истории, когда у многих из этих семей как у картошки: лучшее уже в земле? Мне представляется, что в юности на каком-то сборище его, вероятно, бойкотировали, возможно, в присутствии девушки, которая ему нравилась. Возможно, его унижал и оскорблял какой-то подвыпивший фат, так что у жертвы появилась неоригинальная, но очень конкретная цель, выражающаяся словами: «Я вам покажу! Вы у меня еще попляшете!» В сущности, со времен завоевания Англии норманнами эта идея была движущей силой многих успешных карьер. Если я и прав, мне все равно неизвестен инцидент, который спровоцировал решение Дэмиана. Но к тому времени, как мы познакомились, у него в голове расцвел его личный миф о британской аристократии. Ее члены казались Дэмиану связанными друг другом от рождения – крошечный, сплоченный клуб, враждебный к новоприбывшим, лояльный до беззастенчивой лжи, когда надо защищать своих. Доля истины в этом, конечно, есть, и немалая, если говорить об отношениях внутри этого клуба, но мы уже не живем под властью олигархии вигов, состоящей из нескольких тысяч семей. К 1960-м годам сфера обитания остатков лондонского высшего общества была намного шире, чем ему казалось, и разнообразие типов внутри нее намного больше. Люди есть люди, что бы их ни объединяло, ни один мирок не будет настолько однородным, как Дэмиану это представлялось.

– Нет, не настолько давно, да мы толком и не знакомы. За несколько лет, может, несколько раз встречались, не более того, но впервые поговорили только на чаепитии на Итон-сквер, месяц или два назад.

– На чаепитии? – улыбнулся он.

Это прозвучало и впрямь слегка старомодно.

То чаепитие устраивала в квартире родителей на северной стороне Итон-сквер девушка по имени Миранда Хоутон. Миранда была крестницей моей тетушки или кого-то из друзей моей матери, я уже забыл. Как и Серену, я видел ее время от времени, хотя мы не производили друг на друга особого впечатления, однако этого оказалось достаточно, чтобы включить меня в список ее гостей, когда чаепития начали входить в моду. Они были одним из первых ритуалов лондонского сезона. Правда, рассказывая о них, чувствуешь себя безвестным архивариусом, сохраняющим для потомков утерянные традиции инуитов. Девушкам вменялось в обязанность приглашать на чай в лондонские дома своих родителей других дебютанток, заводя тем самым полезные знакомства и связи для будущих развлечений. Их матери получали списки девушек, занимавшихся тем же, от неофициального, но признанного эксперта Питера Тауненда, кото-

рый бесплатно и с удовольствием предоставлял эти списки тем, кого считал достойным. В этом состояла его благородная, но заведомо проигрышная попытка сопротивляться наступлению современного мира. Позже те же самые матери просили у него другие списки – возможных претендентов на руку и сердце. У Питера имелись и эти списки, хотя они скорее требовались для коктейльных приемов и балов, чем для чаепитий, где мужчин бывало очень мало и часто гости лично знали хозяйку, как я Миранду. На этих собраниях подавали и выпивали мало чая, и, по моему мнению, несколько странной была атмосфера, когда вновь прибывшему приходится неуверенно пробираться через толпу гостей. Но чаепития мы все равно посещали, и я не составлял исключения. Так что готовиться к сезону мы начинали достаточно рано, что бы все потом ни говорили.

Я сидел в углу, рассказывал об охоте скучноватой девушке с веснушками, когда вошла Серена Грешэм, и по легкому ропоту, обежавшему зал, сразу стало понятно, что она уже снискала себе репутацию звезды. Больше всего поражало, как Серена с ней справляется. Невозможно было представить менее заносчивого и более скромного человека, чем она. К счастью, я сидел рядом с последним пустым стулом и помахал ей рукой. На секунду она задумалась, вспоминая, кто я, а потом подошла ко мне. Любопытно было, что Серена решила следовать моде. Двадцать лет спустя, когда сезон превратился в балаган для хвастливых молодых людей, с одной стороны, и алчных дочек нуворишей – с другой, Серена и не подумала бы устраивать подобные сборища. Видимо, это была дань традиции, которую в те унылые времена соблюдал даже такой не скованный условностями человек, как она: делать то, что полагается.

– Как вы с Мирандой познакомились? – спросил я.

– Да мы и не слишком знакомы, – был ее ответ. – Впервые встретились, когда обе приехали погостить к моим кузенам в Ратленд.

Одним из талантов Серены было отвечать на каждый вопрос легко и быстро, без тени таинственности, но не сообщать при этом ничего существенного.

– Значит, ты решила, как полагается, поиграть в дебютантки? – кивнув, спросил я.

Не хочу преувеличивать собственную значимость, но не уверен, что до этого момента Серена в полной мере осознавала масштабы всего предприятия. Она задумалась, потом, нахмурившись, ответила:

– Я не знаю. – Словно вглядывалась в какой-то незримый хрустальный шар, висящий в воздухе. – Посмотрим, – прибавила она, и от ее слов мне показалось, что она лишь наполовину принадлежит к роду человеческому и именно это во многом составляет ее очарование.

То был ее входной билет в сферу человеческих эмоций, который давал ей возможность в любое мгновение отстраниться от происходящего. Она меня просто завораживала.

Пока мы ели, я в общих чертах изложил это Дэмиану. Он восхищался каждой подробностью, как антрополог, давным-давно постулировавший некую теорию, но лишь недавно обнаруживший реальные подтверждения своей правоты. Подозреваю, что Серена была первой подлинной аристократкой, которую он встретил, и, к своему облегчению, нисколько не разочаровался. Она была ровно такой, какой читатели исторических романов, купленных в железнодорожном киоске перед долгим утомительным путешествием, представляют аристократических героинь: и в своей умиротворенной красоте, и в своей холодной, почти ледяной отстраненности. Что бы ни думали об этом сами аристократы, лишь немногие из них в достаточной степени соответствуют воображаемому прототипу. И Дэмиану выпала удача – или неудача? – начать свои знакомства в обществе с представительницы высших кругов, которая превосходно воплощала этот образ. Было видно, что ему эта встреча доставила несказанное удовлетворение. Правда, глядя на то, как все обернулось, может, лучше бы ему не удалось так легко вторгнуться в тот мир.

– И как же попасть в список гостей на эти чаепития? – спросил Дэмиан.

Мне странно это говорить, но я симпатизировал ему. Бывали времена, когда я об этом забывал, но на самом деле он мне нравился. С ним было интересно и весело, он обладал располагающей внешностью. Мне всегда представлялось, что это весьма полезные качества. И еще он имел свойство, которое новое время удостоило термином «позитивный настрой», а в те времена характеризовало человека, не утомлявшего вас. Много лет спустя одна знакомая, описывая мне свой мир, сказала, что он населен исключительно излучателями и поглотителями. Тогда Дэмиана можно было назвать лучшим излучателем. Он согревал компанию, в которой оказывался. Он мог добиться того, что люди хотели ему помогать, и эту алхимию с исключительной успешностью практиковал и на мне.

Но сейчас я не мог предоставить Дэмиану то, чего он просил, поскольку чаепития уже прошли. Эти скромные неофициальные приемы играли главным образом роль предварительного отбора. Девушки искали себе кавалеров на год, а ко времени того нашего ужина в Кембридже уже сформировались группы и начались коктейльные вечера. Хотя первый вечер, который мне полагалось посетить, был не балом дебютанток, но одним из серии приемов, дававшихся Питером Таунендом, церемониймейстером сезона, в его лондонской квартире. Тот, кто будет изучать эти ритуалы, возможно, удивится, что последние двадцать-тридцать лет существования ими целиком распоряжался северянин без рода без племени и с весьма скромными средствами, но так уж повелось. Дэмиану, разумеется, было знакомо это имя, и он тотчас же, своим собачьим чутьем унюхав добычу, спросил, не может ли он составить мне компанию, и я ответил согласием. Я шел на несомненный риск, ибо Тауненд ревниво относился к своей власти и привилегиям. Явиться попросту, с непрошеным спутником означало показать неуважение к своему приглашению. Тем не менее я согласился, и неделю или две спустя, когда я изящно припарковал на Челси-Манор-стрит свой потертый зеленый мини, рядом со мной на пассажирском месте сидел Дэмиан Бакстер.

Я сказал, что Питер к своей роли относился ревниво, и это правда, но ему и было положено. Человек скромного происхождения, чем он нимало не тяготился, поработав журналистом и редактором, специализирующимся на светской жизни, он в один прекрасный день обнаружил, что его призвание – не дать погибнуть сезонам, когда принятое в 1958 году решение ее величества прекратить церемонии представления при дворе, казалось, приговорило всю традицию сезонов к немедленному уничтожению. Сегодня мы знаем, что на самом деле сезонам было уготовано умереть медленной смертью, и, может быть, простое обезглавливание было бы предпочтительнее, но никому не дано предвидеть будущее, и в то время казалось, что это Питер добился на неопределенное время отсрочки приговора. Конечно, царствующая особа уже никак не участвовала в мероприятиях, что для многих немедленно лишило сезон идеи и содержания, но все же сезон выполнял свою задачу сводить вместе отпрысков родителей, придерживающихся одного и того же образа мыслей, и именно эту обязанность взял на себя Питер. Ни на какую награду он надеяться не мог. Он выполнял свою работу лишь ради почета, что, на мой взгляд, вполне достойно уважения, что бы мы ни думали о результате этой работы. Год за годом он прочесывал родословные книги как пэров, так и джентри, писал матерям дочерей, беседовал с сыновьями – и все для того, чтобы еще на несколько месяцев обеспечить существование своему делу. Неужели это было всего сорок лет назад, спросите вы? Отвечу – да!

Приемы, устраиваемые самим Питером, были предназначены не для того, чтобы отбирать девушек и помогать им. Это проделывалось заранее. Нет, главной целью его вечеров было провести смотр тех молодых людей, что привлекли его внимание как возможные кавалеры и партнеры по танцам для будущих приемов. После тщательной проверки юношей их имена либо подчеркивались, либо вымарывались из списков, которые раздавались нетерпеливым нервным мамашам. Те полагали, что всех грубиянов и соблазнителей, алкоголиков и картежников, а также тех, с кем небезопасно отправлять в такси, из предоставленного списка решительно изгнали. Так должно было быть, только, видимо, эта задача оказывалась не такой уж простой,

судя по двум молодым людям, что первыми приветствовали нас, когда мы протиснулись в узкую прихожую тесной и плохо обставленной квартиры на верхнем этаже здания, построенного в худших традициях конца 1950-х годов. Это были младшие сыновья герцога Трентского лорд Ричард и лорд Джордж Тремейн, оба уже в подпитии. Поскольку ни тот ни другой не отличались красотой и остроумием, сторонний наблюдатель мог бы решить, что Питер не сочтет их идеально подходящими на ближайший год. Но не вина Питера, что некоторые кандидатуры он исключить не мог. Братья Тремейн наверняка будут пользоваться определенной популярностью и непостижимым образом снизят себе репутацию души компании, кем они, разумеется, не были. Главное, что их отец – герцог, и пусть в реальном мире он не справился бы даже с работой парковщика, его титула было достаточно, чтобы гарантировать юношам приглашения.

Мы протиснулись в переполненную людьми большую комнату, которую я не решаюсь назвать гостиной, поскольку она выполняла сразу несколько функций, но именно там мы нашли Питера. Неизменные вихры падали на его помятое, как морда мопса, лицо. Он ткнул пальцем в Дэмиана.

– Кто? – громко и неприязненно спросил Питер.

– Разрешите представить вам Дэмиана Бакстера, – сказал я.

– Я его не приглашал, – бескомпромиссно отрезал Питер. – Что он здесь делает?

Как я уже говорил, Питер не стал выдавать себя за продукт системы, к которой с таким трепетом относился, и в подобные моменты я понимал почему. Не притворяясь утонченным джентльменом, он не старался быть вежливым, если в том не было особой надобности. Иначе говоря, Питер никогда не скрывал своих чувств, и за много лет мне это начало в нем нравиться, более того, я даже стал им восхищаться. Его слова можно было интерпретировать так, будто его гнев направлен на незваного гостя, но на самом деле предназначался целиком для меня. Нарушил правила я. И боюсь, что перед этой атакой я спасовал. Мне сегодняшнему это кажется странным, но тогда меня вдруг встревожила мысль, что блага, на которые я уже рассчитывал и которыми распоряжался Питер, могут от меня ускользнуть. Если бы так и произошло, возможно, все оказалось бы гораздо проще.

– Не вините его, – почуяв беду и поспешно приблизившись к нам, сказал Дэмиан. – Вините меня. Я так хотел с вами познакомиться, мистер Тауненд, что заставил его взять меня с собой. Виноват один я.

Питер оглядел его:

– Видимо, мне теперь полагается сказать: добро пожаловать.

Тон был далеко не гостеприимный, но Дэмиан, как всегда, остался невозмутимым.

– Вам полагается попросить меня уйти, если пожелаете. И я тогда, конечно же, уйду. – Он умолк, но по правильным чертам его лица промелькнула тень тревоги.

– Складно, – сказал Питер в своей причудливой, двусмысленной и несколько грубоватой манере и кивнул в сторону озадаченного испанца, держащего поднос. – Можете выпить, если хотите.

Ни тогда, ни потом я не поверил, что Питер был покорен очарованием Дэмиана. Скорее, он распознал достойного соперника, который, возможно, обладает бóльшим мастерством, и не хотел с первой же встречи превращать его во врага. Когда Дэмиан отошел, Питер снова повернулся ко мне:

– Кто он такой? И где он тебя подцепил?

Еще одна необычная фраза.

– В Кембридже. Мы познакомились на вечеринке в моем колледже. Что до того, кто он... – замялся я. – По правде сказать, я мало о нем знаю.

– И не узнаешь.

– Он неплохой человек, – попытался оправдываться я, сам не до конца понимая, как и почему вдруг превратился в его защитника. – Мне показалось, что и вам он тоже должен понравиться.

Питер проследил глазами за Дэмианом. Тот уже взял бокал и завел разговор с безнадежно уродливой толстой девицей с тяжелым подбородком, которая нервно похаживала с краю.

– Он манипулятор, – сказал Питер и ушел встречать вновьприбывших.

Если Дэмиан был манипулятором, то манипуляции его принесли плоды немедленно. Это не удивило бы меня потом, когда мы познакомились более коротко и я уже знал, что Дэмиан не замешкается, когда надо не упустить возможность. Он всегда был деятелен. Это признал бы за ним и злейший враг. Собственно, злейший враг только что это признал. Дэмиан проник в святилище Питера без малейшей надежды на повторное приглашение. Нельзя было терять ни минуты.

Нескладную девицу с тяжелым подбородком я узнал, пока наблюдал, как Дэмиан осыпает ее любезностями. Она звалась Джорджина Уоддила. Дочь банкира из Сити и богатой американки. Не вполне понятно, как Дэмиан выбрал ее для своего первого залпа. Может быть, чутье воина, знающего, где легче всего пробить стену крепости и какая девушка больше других уязвима перед атакой. Джорджина была меланхолична по натуре. Любой, кто проявлял к ней интерес, а таких случалось не много, обнаруживал, что эта черта унаследована ею от матери. Та, слабо представляя себе Англию, после периода ухаживаний, целиком уложившегося в послевоенную нью-йоркскую командировку ее будущего мужа, на момент свадьбы находилась под властью иллюзии, что входит в семью гораздо более высокого положения, чем было на самом деле. Когда в конце 1950-х они все же вернулись в Англию с двумя мальчишками и совсем маленькой дочкой, она твердо рассчитывала, что будет в своей новой стране расхаживать по Балморалу¹² и ужинать всей семьей в Чатсуорте¹³ и Стратфилдсее¹⁴. Однако обнаружила, что друзья и члены семьи мужа почти все происходят из тех же самых преуспевающих финансистов, с которыми она с самого детства играла в теннис в Хэмптонсе. Ее муж Норман – одно имя могло бы стать для нее подсказкой – не по злему умыслу обманывал ее, но, как и многие англичане его типа, особенно находясь за границей, невольно привык намекать, что происхождение его более завидно, чем на самом деле. В Нью-Йорке это было совсем легко. После проведенных там девяти лет Норман почти поверил в собственную выдумку. Он так свободно говорил о принцессе Маргарет, о Вестминстерах или леди Памеле Берри¹⁵, что, видимо, и сам не меньше слушателей удивился бы, узнав, что все сведения об этих людях он почерпнул со страниц «Дейли экспресс».

Однако развод не стал окончательным результатом этого разочарования. Энн Уоддила надо было думать о детях, а развод в 1950-х еще обходился в глазах общественного мнения в слишком высокую цену. Норман скопил довольно много денег, и Энн решила, что пустит их на то, чтобы избавить своих детей от разочарований собственного существования. Для мальчиков это означало хорошие школы, стрельбу и достойные университеты, а дочь она с самого начала вознамерилась вывести в свет через головокружительно успешный сезон, который закончится блестящим замужеством. Дальше должны были появиться внуки – они помогут впоследствии возвыситься и ей. Так спланировала миссис Уоддила будущее несчастной Джорджины, обреченной с того момента, как научилась ходить, проживать жизнь за мать, а не за себя. Что отчасти объясняет, почему родители не видели простой истины, столь очевидной остальному миру: Джорджина категорически непригодна для уготованной ей роли. Красивая и гордая Энн Уод-

¹² *Балморал* – королевский замок в Шотландии.

¹³ *Чатсуорт-Хаус* – дворец герцогов Девонширских в Англии, славящийся пышностью и богатой коллекцией произведений искусства.

¹⁴ *Стратфилдсей* – поместье герцога Веллингтона.

¹⁵ *Леди Памела Берри* (1918–1998) – английская светская львица 1950-х годов.

дилав не ожидала, что природа сыграет с ней злую шутку и подарит дочь, которая будет толстой, как бочка, да еще и неуклюжей. Хуже того, из-за робости и боязливости Джорджины у всех складывалось первое, ложное, впечатление, будто она глупа. К тому же она не любила общаться. Поскольку на главную часть наследства Джорджина не претендовала – наличие в семье двух мальчиков обычно портит все планы, – то к тому времени, как у нее подошли к концу первые несколько недель в качестве дебютантки, партия, о которой мечтала миссис Уоддилав, казалась крайне невероятной.

Должен сказать, что, когда я познакомился с Джорджиной Уоддилав, она мне понравилась, и, хотя не могу утверждать, что испытывал к ней романтический интерес, я всегда был рад оказаться рядом с ней за обедом. Она много знала о фильмах – одна из тем, которые живо меня интересовали, так что нам было о чем поговорить. Но нельзя отрицать: девушка не была предназначена для успеха на жестокой арене, избранной для нее матерью. Было что-то гротескное в том, как ее нескладная фигура грустно и одиноко бродит из одного бального зала в другой, разряженная по тогдашней инфантильной моде в кружевное платье и с цветами в волосах. В таком виде она напоминала говорящую обезьяну из рекламы чая «Пи-Джи Типс». Нехорошо так говорить, но Джорджина считалась у нас комическим персонажем, и сейчас, став старше и более восприимчивым к чужим страданиям, я очень об этом сожалею. Такое положение, должно быть, причиняло Джорджине сильную боль, которую она таила, а скрытая боль становится лишь острее.

Не почувствовал ли все это подсознательно и Дэмиан, потому что направился напрямик к ней, когда по всей гостинной Питера стояли блестящие красотки высокого положения, смеялись, болтали, потягивали напитки? Не так ли чувствует раненую птицу лиса, как Дэмиан, оглядев толпу, обнаружил самую уродливую, самую неуклюжую девушку и направился к ней, точно ракета? Если да, то его тактика оказалась успешной. Несколько дней спустя он заглянул в мои комнаты, показать, что с утренней почтой ему принесли первое приглашение: жесткую белую открытку с гордо выгравированным заголовком «Миссис Норман Уоддилав, домашний прием», приглашавшую его на коктейльный вечер, который они дают для Джорджины седьмого июня, у электромобильной площадки в Баттерси-парке.

«Как может быть домашний прием в парке аттракционов?» – спросил он меня.

За десятилетия, прошедшие после войны, Баттерси-парк сменил свое положение в Лондоне. Физически его, конечно, не перемещали, но сейчас он нечто совсем иное по сравнению с той сценой, где полвека назад разворачивалось столько увлекательных событий нашего детства. Построенный викторианцами как увеселительная площадка для местной буржуазии, с рукотворными скалами, с фонтанами и мягкими дорожками по берегам населенных лебедями озер, к 1950-м годам парк без сожаления утратил лоск и превратился в уникальное место для целого поколения детей, став единственным в Лондоне постоянно действующим парком развлечений. Воздвигнутый в 1951 году в рамках «Фестиваля Британии», этого символа национального обновления, парк процветал до середины шестидесятых, когда его стали вытеснять новые формы развлечений. Трагический инцидент на «американских горках» в 1972 году ускорил неизбежное, и два года спустя парк закрылся. Милые добрые аттракционы, ставшие серыми и грязными, а то и откровенно опасными, без следа унесло время, как унесло оно висячие сады Семирамиды.

Сегодня, когда восстановили пруды, водопады и лужайки, парк стал красивее, чем когда я впервые вышел сюда гулять, крепко сжимая руку тети или няни, и ныл, чтобы мне разрешили еще разок прокатиться, прежде чем идти домой. Стал красивее, но не для меня. Не для одного меня воспоминания окрашены в розовые тона, к 1968 году ностальгия уже начинала окутывать это место, где в детстве, когда парк переживал расцвет, мы до тошноты объедались сахарной ватой. Те дети выросли, превратились в подростков и юношей, так что миссис Уоддилав поступила очень мудро, выбрав местом для праздника парк. Ее дочь, как уже было сказано, популяр-

ностью не пользовалась, так что, если бы вечеринку устроили в одном из отелей на Парк-лейн или в кофейной комнате клуба, куда ходил мистер Уоддилав, вполне могло статься, что Джорджине пришлось бы терпеть унизительное положение хозяйки приема, проигнорированного половиной приглашенных. Легкость, с которой молодые пренебрегали своими обязанностями в обществе ради каких-то более современных и более увлекательных дел, в те дни приводила взрослых в ужас. Сегодняшние родители, как правило, пожимают плечами и закатывают глаза, сталкиваясь с необязательностью своих детей, но не принимают ее слишком близко к сердцу. Конечно, не сейчас придумано, что можно, пообещав, не прийти на вечеринку или явиться непрошеным гостем и тому подобное, но в 1968-м к таким поступкам относились серьезно. В данном случае Баттерси-парк сыграл свою притягательную роль, и пришли все.

Так вышло, что я появился довольно поздно, и через весь парк, мимо всех павильонов меня вел гул голосов, пока я не подошел к временному крашеному забору с калиткой, которую охраняли два служителя парка. Большой плакат на доске объявлений гласил, что аттракцион «Электромобили» закрыт на частное мероприятие. Это вызвало несколько недовольных взглядов у тех, кто нацелился было покататься, но гости Джорджины сделали вид, что ничего не замечают. Пара ворчащих прохожих не могла испортить им веселье. Как бы ни скрывали это привилегированные классы, время от времени они с удовольствием становятся объектом зависти.

Некоторые девушки уже катались, визжа, смеясь и проливая вино, а их сегодняшние кавалеры рисовались и с самодовольным видом врзались в чужие машины. В нынешние времена повсюду висели бы объявления о том, что бокалы на поле выносить нельзя, или просто все пили бы из пластмассовых стаканчиков, но не помню, чтобы кого-то сильно тревожили такие мелочи, как липкие лужи или осколки стекла. Наверняка и того и другого было в избытке. Для удобства уже подвыпивших гостей стоял открытый с одной стороны шатер. Я огляделся в поисках Джорджины, надеясь увидеть ее в центре благодарной толпы, но она, как обычно, молча стояла одна у столика с шампанским. Можно было взять себе бокал и заодно поздороваться с хозяйкой, убив сразу двух зайцев.

– Привет! – сказал я. – Славно получилось – шумно и весело.

– Пойдешь кататься? – вяло улыбнулась Джорджина.

– Да схожу, пожалуй, – бодро ответил я. – А ты?

Но она, кажется, не услышала мой вопрос – ее глаза неотрывно следили за площадкой, и я разглядел машинку, в которой отчетливо видна была фигура Дэмиана, согнувшегося над рулем. Его второй пилот – девушка – показался мне достаточно необычным, по крайней мере издалека. Ее лицо почти полностью скрывала завеса кудрей, но было видно, как она спокойна и невозмутима. Она не вопила, как остальные, а спокойно сидела, будто величественная принцесса, которую обстоятельства вынудили терпеть недостойную публику деревенского паромы, чтобы перебраться на другой берег.

– В честь чего твой ужин? – повернулась ко мне Джорджина.

– Какой ужин? – растерялся я.

– Сегодняшний. Дэмиан сказал, что не может поехать с нами в «Риц», потому что пообещал быть у тебя.

Я сразу все понял. Джорджина уже выполнила свое предназначение в жизни Дэмиана, дав ему старт, и теперь от бедняжки можно было освободиться. Незадачливая девушка поддалась на его лесть, очарование и теплоту и открыла ему дверь в этот мир, но теперь, проникнув сюда, Дэмиан без угрызений совести предоставил ее самой себе. Итак, мечте Джорджины о том, что рядом с ней на скучном, чопорном обеде, который устроит для немногих избранных ее мать, сядет новый блестящий спутник, суждено было разбиться вдребезги. Что касается выдумки, которая помогла Дэмиану избежать этого обеда, я вынужден со стыдом признать, что подыграл ему. В мою защиту можно сказать, что сделал я это не по своей воле, но лишь повинуюсь есте-

ственному порыву. Когда женщина приводит мужчине отговорку, предложенную ей другим мужчиной, собеседник непременно поддержит ложь, из мужской солидарности. Слова «Роберт говорит, что вы с ним на следующей неделе обедаете» заставляют любого мужчину ответить нечто вроде: «Жду не дожусь, когда мы с ним хорошенько посидим», даже если про этот план он только что услышал. Нередко впоследствии мужчина устраивает разнос приятелю, который все это придумал. Мол: «Как ты смеешь меня втягивать в такие дела?!» Но все равно говорить в этом случае правду противно мужской природе. Альтернативой было бы сказать: «Я ничего не слышал ни о каком обеде. Должно быть, Роберт завел любовницу». Но ни один мужчина не в состоянии произнести подобные слова, даже будучи целиком на стороне женщины, которую обманывают.

– Скромный обед, нас будет всего несколько человек, – улыбнулся я Джорджине. – Если Дэмиан тебе нужен, то там ничего такого важного.

– Нет-нет, – покачала она головой. – Пусть все остается как есть. Все равно папа был недоволен, что я пригласила Дэмиана. Потому мне и пришлось не приглашать тебя, – неловко прибавила она. – Он считает, что нас и так уже много.

Куча неудачников и мало возможностей, подумал я. Но и Дэмиан не проходил по конкурсу. Миссис Уоддила не устраивал авантюрист.

– Кто придет?

– Жаль, что не будет тебя, – заучено пробубнила Джорджина. – Но, как я уже сказала, вечеринка будет маленькой.

Я кивнул. Произнеся необходимые формальности, она перечислила около пяти имен.

– Принцесса Дагмар. И наверное, братья Тремейн, но тут могут быть проблемы.

Наверняка будут, подумал я.

– Эндрю Саммерсби с сестрой. – Она мысленно ставила галочки в списке, хотя сам список нес на себе отпечатки пальцев ее матери, а не ее самой. – Вот, пожалуй, и все.

Я поглядел туда, где хмуро стоял неряшливый, краснолицый виконт Саммерсби, крутя в руках бокал. Он уже, похоже, оставил все попытки вести разговоры с соседями. Их состояние явно внушало больше оптимизма. Тем временем перед ним нарезала круги его сестра Аннабелла, визжа и что-то выкрикивая, а рядом с ней дрожал ее бледный и осунувшийся напарник. Ее плотно облегающее коктейльное платье, добытое из материнского послевоенного гардероба, чуть не лопалось по швам, когда она крутила руль вправо и влево. Аннабелла Уоррен блистала красотой не больше брата, но, если выбирать из них двоих, я отдал бы пальму первенства ей. Оба они не представляли собой увлекательную компанию для дружеского вечера, но она, по крайней мере, была живее. Джорджина, проследив за направлением моего взгляда, кажется, молча со мной согласилась.

– Удачно провести вечер! – сказал я.

Автомобильчики остановились, и водителей с пассажирами погнала прочь с площадки толпа окружавших трассу гостей, с нетерпением дожидавшихся своей очереди. По металлическому полу с заклепками побежали девочки, торопясь втиснуться в замызганные, помятые машинки. Тогдашних девочек отличал одинаковый характерный облик. Что-то от Диора 1950-х, что-то от Карнаби-стрит 1960-х. Они признавали современный мир, но еще не вполне подчинились ему. В последующие сорок лет это десятилетие заглушил голос либеральной тирании. У них был Вудсток как воплощение одной из разновидностей того времени. «Если вы в состоянии вспомнить шестидесятые, то по большому счету вас там не было», – заявляли они. Им не хватало духу целиком поддерживать ценности поп-революции, но либо эти ребята обманывают, либо обманули их. Для нас, тех, кто жил в то время, по-настоящему необычным в той эпохе были не группы людей с гитарами, курящих травку и носящих причудливые шляпы с перьями и кожаные куртки на овечьем меху. От всех других эпох, в которые я жил, это время отличало то, что, подобно Янусу, оно было обращено в обе стороны.

Одна составляющая той культуры действительно была неразрывно связана с поп-музыкой, наркотиками, хеппенингами, Марианной Фейтфулл, батончиками «Марс» и свободной любовью, но другая, не меньшая часть общества все еще оглядывалась на пятидесятые, на традиционную Англию, где поведение определяла практика если не многих веков, то по крайней мере предыдущего века, где строго прописывалось все: от одежды до сексуальной морали. И даже если мы не всегда подчинялись правилам, мы знали, что они существуют. Еще лет за десять до того этот свод законов свято соблюдался. Девушки не целовались на первом свидании, юноши всегда повязывали галстук, их матери не выходили из дому без шляпки и перчаток, отцы надевали котелок, отправляясь в город. Все эти установления были столь же полноправной частью шестидесятых, как и та часть, о которой постоянно напоминают нам в документальных фильмах. Разница только в том, что старые законы отмирали, а новая, анархическая культура шла им на смену. Именно она одержала верх, а историю, как всегда, пишет победитель.

Широко распространена была мода на накладные волосы в виде локонов или шиньонов, они придавали прическе выразительность. Они задумывались как имитация настоящих, но это была реалистичность театрального костюма. На следующий день их можно было отколоть, и это не считалось неприличным. Поэтому девушка могла в понедельник вечером появиться в свете с кудрями до плеч, а на обед во вторник выйти со стрижкой под мальчика. Волосы использовались как набор шляпок. Пожалуй, это единственный вид изменения внешности, который не ставил целью обман – в отличие, например, от париков наших дней. Мода пошла дальше, когда в практику вошло оставлять шиньоны у парикмахера за день-два до назначенного события. Там их накручивали, ухаживали за ними и даже украшали цветами или бусинами, а в день выхода в свет вся затейливая прическа прикреплялась к голове владелицы. Этот стиль достиг апогея, когда наступало время балов, но даже в начале года, едва только начинались первые коктейльные приемы, он казался аллегорией воображаемого, в которой принимали участие все. Дебютантки два-три раза в неделю коренным образом меняли свою внешность. Гости замечали, что к ним направляется незнакомка, и, лишь когда она приближалась, узнавали под прической лицо старой подруги. Так было и на этом вечере, когда я вдруг понял, что величественная королева, едущая на сиденье рядом с Дэмианом, – не кто иная, как Серена Грешэм. Она вышла из автомобильчика невозмутимая, точно скала, и подошла к тому месту, где стоял я.

– Привет, – сказала она.

– Привет! Как ты?

– Совсем растрясло. Чувствую себя коктейлем, который взболтали и сейчас разольют по бокалам.

– А я хотел спросить, не захочешь ли прокатиться еще разок, со мной.

– Вряд ли, – ответила Серена. – Чего я хочу, так это еще выпить.

Она огляделась и, не успев я предложить помощь, раздобыла себе бокал шампанского.

Оставив ее в окружении потенциальных поклонников, я пошел к площадке. Автомобили уже все были заняты. Тут я услышал, как меня окликнули, и, оглянувшись, увидел Люси Далтон, которая махала мне. Я подошел к ней.

– Что случилось? – спросил я.

– Ради бога, сядь ко мне! – Люси похлопала по кожаному потертому сиденью рядом с собой. – Сюда идет Филип Ронсли-Прайс, а у меня и так уже вся задница будет в синяках.

Сзади послышался мужской голос, требующий уступить дорогу.

– Садись быстро! – прошипела она.

Я сел. Но отсрочка оказалась лишь временной. Не успели мы отъехать, как Филип, игнорируя крики оператора, пошел напрямик между начавшими двигаться машинками. Фразу «соблюдение техники безопасности» в те дни еще не изобрели.

– Если ты хочешь от меня сбежать, можешь даже не надеяться! – бросил он Люси с ухмылкой, которую, видимо, считал сексуальной. – Нам суждено быть вместе!

Пока она собиралась придумать ответную колкость, мы вдруг резко остановились. Нас ударил в бок один из братьев Тремейн, рядом с которым сидела хихикающая спутница, и мы, чуть не сломав спину, оказались в хаотичном потоке машин. Филип захохотал и неспешно пошел обратно к краю площадки.

Люси Далтон будет занимать на этих страницах довольно существенное место и поэтому заслуживает представления, хотя, по-моему, она не слишком сложный персонаж. Как и Серене, Люси незаслуженно достались все блага мира, но на более скромном уровне, и это менее отдаляло ее от жизни обычных людей. Людям со стороны трудно отследить различия в статусе и благосостоянии членов привилегированной, вызывающей всеобщую зависть группы, но эти различия существуют, с какой бы башней из слоновой кости ни приходилось иметь дело. Чемпионы по футболу, каждый богаче Мидаса, прекрасно знают, кто в их кругах заслуживает зависти, а кому следует посочувствовать. Кинозвезды легко отличают среди своих тех, кто не сделает карьеры, и тех, кто продержится на плаву еще много лет. Простой публике само предположение, что одному миллионеру стоит завидовать меньше, чем другому, покажется претенциозным и элитаристским, но для членов клуба эти градации реальны, и если попытаться понять, что движет тот или иной мир, эти различия тоже необходимо принимать во внимание. Так было и у нас. Хотя к 1960-м годам сама идея сезона уже подвергалась критике, в нем принимала участие более узкая группа людей, чем было бы в наши дни, если бы кому-то хватило глупости попытаться его возродить. Можно сказать, что мы находились где-то посередине между избранным обществом довоенных лет и непритязательным миром 1980-х. В наш круг входили и те девушки, которые не соответствовали бы требованиям представления их при дворе, если бы оно существовало, но им давали это понять. Внутренний круг пополнялся из традиционных источников. И в нем легко было увидеть, кому повезло больше, а кому меньше.

Люси Далтон была младшей дочерью баронета, сэра Мармадюка Далтона, чей предок получил титул в начале XIX века в качестве награды за службу короне на какой-то мелкой должности. Семья до сих пор владела солидным поместьем в Саффолке, но усадьба сдавалась в аренду еще с 1930-х, и после войны там открылась подготовительная школа для девочек. Мне кажется, сами Далтоны были вполне рады жить в доме для вдовствующей матери семейства, из которого над вершинами деревьев можно было мельком разглядеть остатки их бывшего величия, пусть и окруженные пристроенными классными комнатами и площадками для игры в лакросс. Иными словами, вид был далек от идеального.

Как гражданин современного мира, сейчас, на исходе зрелых лет, я прекрасно понимаю, что воспитывалась Люси в исключительно привилегированных условиях. Но большинство людей сравнивают себя только с людьми в обстоятельствах, сходных со своими, и я хотел бы попросить у читателя снисхождения, когда скажу, что, принимая во внимание время, в которое происходили события, для нашей компании происхождение Люси не казалось столь уж примечательным. Ее семья, с не слишком громким титулом и уютным вдовьим домиком, жила примерно так же, как все мы: в доме приходского священника, в усадьбе, в загородном доме, но главное различие существовало между теми, кто жил обычной жизнью, и теми, кто жил, как наши семьи до войны. Эти немногие уцелевшие аристократы были нашими боевыми знаменами, символами лучших дней, нашими признанными лидерами. Имея в своем распоряжении лакеев и пышные гостиные, они представляли волшебную противоположность нам, остальным. Отцы у нас пошли работать, а матери научились готовить... хотя бы немного. Мы считались «обычными» людьми, а они – «богатыми», и лишь много лет спустя я задумался, так ли это. В свою защиту могу сказать, редко кто осознает, что жизнь, которую он ведет, – образчик экстравагантности или сибаритства. Подобные эпитеты заслуживают лишь те, кто намного богаче нас, и Люси считала себя лишь более или менее состоятельной.

Я находил ее жизнелюбивой, милой, хотя и не красавицей, приятной, но не обворожительной. Мы познакомились за год до того, случайно оказавшись в одной компании на бла-

готворительном балу, а когда начался сезон и выяснилось, что мы оба в нем участвуем, то невольно потянулись друг к другу, как притягивает людей к любому дружескому знакомому лицу в новой и не слишком увлекательной обстановке. Пожалуй, Люси бы мне понравилась, если бы я с самого начала повел себя аккуратнее, но если у меня и был шанс, я упустил его, позволив нам стать друзьями – неизбежное противоядие серьезным мыслям о романтических отношениях.

– Что за человека ты нам навязал? – спросила она, яростно крутя руль, чтобы избежать очередной шутиливой атаки автомобиля лорда Ричарда.

– Не припомню, чтобы я его кому-то навязывал.

– Навязал, что уж. Не успел он пробыть здесь и двадцати минут, а уже четыре девушки записывали его адрес. Как я понимаю, он не от мистера Тауненда?

– Вряд ли. На той неделе я прихватил его с собой к Питеру, и в первое мгновение мне показалось, что нас обоих выставят.

– А зачем ты прихватывал его с собой? С чего ты стал его покровителем?

– Я и не знал, что я чей-то покровитель.

Люси посмотрела на меня с сочувственной улыбкой.

Может быть, неосознанное стремление искупить вину перед Джорджиной, превратив ложь в правду, заставило меня собрать группу гостей на ужин, когда вечеринка начала выдыхаться, и тем же вечером мы ввосьмером спустились в подвал по предательски крутым ступеням «Хэддиз», популярного тогда местечка на углу Олд-Бромптон-роуд, где можно было сносно перекусить, а также протанцевать до утра, и всего шиллингов за тридцать с носа. Мы часто проводили там целые вечера, ели, болтали, танцевали, хотя трудно себе представить, каким был бы современный аналог подобного заведения, поскольку сегодня вряд ли можно устроить в одном месте и то, и другое, и третье. Сегодня там, где играют музыку для танцев, она запускается с дикой, изуверской громкостью. Видимо, в то время как я перестал ходить на дискотеки, музыка там стала громче, но я не знал этой новой моды, пока совершенно нормальные люди сорока-пятидесяти лет не переняли ее и не начали устраивать приемы, которые должны войти в историю как самые провальные. Я нередко слышу, что ночной клуб, где можно посидеть и поболтать под музыку, предназначен для тех, кто старше меня на одно поколение: люди в вечерних одеждах сидят в «Мирабель» тридцатых-сороковых годов, танцуют под «Снейкхипс» Джонсона и его оркестр, потягивая коктейль «Белая леди», но, как и большинство общеизвестных мифов, это неправда. Возможность есть, разговаривать и танцевать была доступна и нам, и я сполна ею наслаждался.

«Хэддиз» вряд ли можно назвать ночным клубом. Он предназначался главным образом для людей, которые не могли позволить себе ходить в настоящие ночные клубы. «Хэддиз», «Анджеликс», «Гаррисон» – забытые ныне названия, но в те времена они заполнялись каждый вечер, меню предлагали незатейливое, но, как все успешные нововведения, они вполне удовлетворяли возникший спрос. Еда относилась к недавно появившемуся стилю деревенской кухни, но непритязательная трапеза сочеталась со сравнительно новым изобретением: публичными танцами не под оркестр, а под пластинки. Ими распорядился своего рода диск-жокей – должность, понимание которой еще только зарождалось. Вино чаще всего было дешевым пойлом, а чего еще ожидать, когда платили мы, молодежь, но преимущество состояло в том, что владельцы не рассчитывали продать столик больше одного раза за вечер. Поужинав, мы оставались далеко за полночь пить и трещать о том, что занимало наши мятущиеся юношеские умы, и так из вечера в вечер, без каких бы то ни было возражений со стороны администрации, насколько я помню. Боюсь, они просто были плохими бизнесменами. Неудивительно, что их заведения не выдержали проверки временем.

В тот день по какой-то странной причине к нам, в числе прочих, присоединилась Серена Грешэм, когда я сказал ей, куда мы собираемся. Я удивился. Обычно она вежливо выслуши-

вала наши планы на вечер и, изображая на лице сожаление, сетовала, что не может пойти. Но на этот раз она на мгновение задумалась и сказала: «Давайте. Почему нет?» Ответ мог показаться достаточно равнодушным, но при этих ее словах у меня в сердце заголосили певчие птицы. С нами была Люси, безуспешно пытавшаяся отделаться от Филипа, своего злого рока, – он навязался уже после того, как ее машина уехала в ресторан. Дэмиан, конечно, тоже пришел, и какая-то новая девушка, которую я до того вечера не встречал: Джоанна Лэнгли, роскошная голливудская блондинка, довольно неразговорчивая. Я слышал только, что она очень богата, одна из богатейших девушек того года, пусть и нового поколения, выросшего после отмены представления королеве. Ее отец основал фирму, продававшую по каталогу повседневную одежду или что-то в этом духе, и хотя деньги гарантировали, что в лицо ей никто не грубил, за спиной о ней говорили не столь приятные вещи. Мне лично Джоанна понравилась с самого начала. Сидела она слева от меня.

– Как тебе? – спросила она, когда я плеснул вина ей в бокал.

Я не понял, о чем она говорит, об ужине или о сезоне, но решил, что последнее.

– Пожалуй, неплохо. Я еще почти нигде не был, но компания собирается неплохая.

– А тебе? – подал голос Дэмиан, сидевший за столом чуть поодаль.

Я заметил, что он уже пытается опробовать свой сверлящий взгляд на Джоанне. Как и я, он наверняка знал, кто она такая.

Она удивилась, но кивнула:

– Пока да. А тебе как?

– Ну, я тут чужой. Спроси его. – Он шутливо дернул подбородком в мою сторону.

– Но ты же сидишь здесь, верно? – довольно жестко парировал я. – Что у нас еще есть такого, по-твоему?

Замечание было не вполне справедливым, но меня это мало беспокоило, поскольку я знал, что его энтузиазм не погасит ничто.

– Не позволяй ему ввести тебя в заблуждение. – Дэмиан перевел свой фирменный взгляд обратно на Джоанну. – Я вполне обычный парень из вполне обычной семьи. Мне думалось, что интересно будет взглянуть на это все самому, но я из другого мира.

Эти слова были тщательно продуманы, как и все, что он говорил, и сейчас я понимаю, чего он намеревался добиться. Сказанное предназначалось для того, чтобы каждая девушка за столом немедленно почувствовала стремление защитить Дэмиана, и никому из них или из их друзей уже не будет позволено обвинить его, что он за кого-то себя выдает. Внешняя скромность предоставляла ему возможность бесконечно брать, не чувствуя ответственности перед миром, к которому он, по собственному заявлению, не принадлежит и которому ничего не должен. Это больше всего обезоруживало людей. С этого момента они переставали бояться, что такой человек может их использовать. К чему бояться, если он сам сказал, что не питает никаких амбиций? Не успели мы заказать еду, как Дэмиан уже писал свой адрес Джоанне и двум другим сидящим за столом девушкам.

Только сейчас я заметил, как написал, что Дэмиан, «конечно», был с нами. Почему казалось само собой разумеющимся, что он будет? Еще только в самом начале своей лондонской карьеры? Может быть, потому, что я начал принимать во внимание его таланты. Сейчас по одну сторону от него сидела Серена, а по другую – Люси, и он заставил их обеих слушать его и смеяться, но не заходил дальше необходимого ни с одной ни с другой. И тогда я понял, что он из тех редких натур, которые безупречно вписываются в новую компанию и очень скоро становятся неотъемлемой ее частью, основой. Дэмиан балагурил и подшучивал над остальными, но порой и слегка хмурился. Он серьезно их слушал и заинтересованно кивал, как друг, который их знает, но все же не слишком хорошо. За все время, что я был с ним знаком, он никогда не совершал типичной ошибки парвеню: впадать в излишнюю фамильярность. Не так давно я перед охотой разговаривал с одним человеком. Накануне вечером мы с ним неплохо пообща-

лись за ужином, и он, видимо полагая, что мы теперь друзья, принялся шутливо тыкать меня в живот и поддразнивать насчет лишнего веса. При этом он улыбался и смотрел мне в глаза, но то, что он в них увидел, вряд ли его порадовало, поскольку в тот момент я понял, что больше никогда не буду искать его общества. Дэмиан подобных оплошностей не допускал. Его манера общения была спокойной и непринужденной, а вот грубой или развязной – никогда. Она была тщательно продуманной и хорошо сыгранной, и в тот вечер мне впервые представилась возможность наблюдать, как умело он приманивает добычу.

Ужин закончился, у девушек забрали нетронутое жаркое, свет немного притушили, и по всему залу пары начали занимать места для танцев. Никто из нашей группы еще не отважился выйти вперед, но мы уже почти созрели, и в короткую паузу между разговорами я услышал, как Дэмиан обратился к Серене.

– Потанцуем? – предложил он таким тоном, словно рассказывал анекдот, забавный секрет, который в полной мере понятен только им обоим.

Прекрасная работа!

Крутили какую-то пластинку, которая нам всем нравилась. Может быть, «Flowers in the Rain»? Уже забыл. Во всяком случае, Серена почти сразу кивнула, и они встали. Но дальше меня ждало удивление. Когда они проходили мимо моего края стола, я услышал, как Дэмиан мимоходом отметил:

– Чувствую себя полным идиотом. Знаю, что тебя зовут Серена, и помню, где мы впервые встретились, но фамилии так и не расслышал. Если я дольше буду откладывать, спрашивать будет уже неудобно.

Как мошенник или придворный, он подождал, всего секунду, посмотрел, сработает ли его хитрость. Вдохнул ли он с облегчением, когда Серена с виду никак не показала, что понимает его задумку?

Она лишь улыбнулась.

– Грешэм, – тихонько ответила Серена, и они вышли на площадку для танцев.

Я наблюдал за всем этим в изумлении. Да и мудрено ли? Задолго до того вечера Дэмиан знал не только ее имя, но и где живет ее семья, и, скорее всего, площадь земельных угодий. Думаю, он смог бы перечислить годы жизни каждого графа Клермонта со дня создания титула и даже, наверное, девичьи фамилии каждой графини. Я встретился с ним взглядом. Он знал, что я слышал этот разговор, и я знал, что он это знает. Но он словно не придавал значения, что я могу вывести его на чистую воду и испортить всю игру. Такая стратегия риска в светском скалолазании заслуживает восхищения.

Люси смотрела, как я наблюдаю за ним, и на губах у нее играла легкая улыбка.

– Что смешного? – спросил я.

– У меня такое чувство, что до сегодняшнего вечера ты считал себя покровителем Дэмиана, а на самом деле можно предположить, что, когда сезон закончится, ты, если повезет, окажешься у Дэмиана биографом. – Она посмотрела на танцующую пару и посерьезнела. – Если хочешь заявить свои права на ту территорию, я бы на твоём месте не откладывала.

– Он не в ее вкусе, – покачал я головой. – Я, правда, тоже. Но он – наверняка нет.

– Ты так говоришь, потому что идеализируешь ее, а его считаешь во всем ниже, чем на самом деле. Но это точка зрения влюбленного. Сама она так не думает.

Теперь я внимательнее пригляделся к Дэмиану. Музыка стала медленной и чувственной, и оба раскачивались из стороны в сторону, исполняя танец без шагов, как тогда мы танцевали.

– Ошибаешься. – Я снова покачал головой. – В нем нет ничего, что ей нужно.

– Напротив, у него есть именно то, что ей нужно. Ни родовитости, ни денег она искать не будет. И того и другого у нее в избытке. Сомневаюсь, что она так уж падка на внешность. Но Дэмиан... – Пока Люси говорила, ее взгляд снова сфокусировался на темной голове, воз-

вышавшейся над большинством танцующих рядом мужчин. – Он обладает одним качеством, которого не хватает ей. Не хватает всем нам, если на то пошло.

– И что это за качество?

– Он принадлежит нынешнему веку. Он поймет правила игры, которую будут вести в будущем, – не той, что играли до войны. И потому в нем есть какая-то надежность.

В эту минуту к ней в радостном ожидании вопросительно наклонился Филип, но Люси отвергла его приглашение, кивнув на меня:

– Меня уже пригласил он, и я обещала.

Она встала, и я послушно последовал за ней танцевать.

Люси

Глава 3

Список, который лежал у меня на подушке, когда я поднялся к себе в спальню, был невелик. Но определенные сюрпризы в нем имелись. Там значилось пять имен, и все эти девушки спали с Дэмианом, видимо, до того, как он стал бесплоден после каникул, проведенных под жарким португальским солнцем. Все они также родили ребенка в пределах указанного времени. Там оказалась и Люси Далтон, что с легкой печалью отметил я. От нее я ожидал большего, ибо она одной из первых разглядела личину Дэмиана. Попадание в этот список Джоанны Лэнгли удивило меня меньше. Я еще тогда знал, что у них роман, и мне казалось, они хорошо друг другу подходят. Я еще удивлялся, почему он ничем не закончился. Наверняка мне предстоит это выяснить. Чего я не ожидал, так это увидеть, что среди зарубок на ложе Дэмиана значилось и имя ее королевского высочества принцессы Моравии Дагмар, а также имя краснотелой, шумной охотницы на мужчин Кандиды Финч, которую я бы никак не считал соответствующей его вкусам. Боже! Погулял он знатно, ничего не скажешь. А вот Терри Витков, напротив, входила во многие списки побед того года, включая мой собственный. Американская авантюристка со Среднего Запада, она владела меньшими деньгами, чем готова была признаться, и приехала в Лондон лишь после того, как исчерпала все возможности высшего общества Цинциннати. Ее сексуальные представления, которые скорее предвосхищали следующее десятилетие, чем восходили к периоду до ее рождения, как у большинства девушек, помогали ей пользоваться неизменной популярностью. По крайней мере, среди мальчиков.

Каждое имя было аккуратно напечатано. Рядом с ним значилась нынешняя фамилия женщины – фамилия по мужу, и там, где необходимо пояснение, – имя мужа. После этого стояло имя, пол и дата рождения ребенка, который нас интересовал, с краткой пометкой об остальных детях в семье. Наконец колонка адресов, иногда по два или даже три, с телефонными номерами и адресами электронной почты, хотя вряд ли большое количество моей работы могло быть проделано по Интернету. Сопроводительная записка наверху: «Насколько мы смогли установить, сведения следующие» – означала, что я не мог быть полностью уверен в этой информации. Некоторые записи содержали больше подробностей, чем остальные, но в целом, судя по виду, всем данным можно было доверять. Ни с кем из этих женщин я больше не встречался, даже случайно, но то немногое, что знал, совпадало с содержанием списка. К листку скрепочкой был приколот конверт. В нем, как обещано, лежала платиновая кредитная карта, выпущенная на мое имя.

Завтракал я в одиночестве. Компанию мне составляли, кажется, все известные в нашем мире газеты, аккуратно сложенные на другом конце длинного стола. Дворецкий спросил меня, может ли он собирать вещи или есть причина, по которой ему следует с этим повременить. Таковой причины не оказалось. Он поклонился, радостный, что я позволил ему оказаться полезным мне, но прежде, чем выйти из комнаты и отправиться выполнять свое дело, проговорил:

– Мистер Бакстер спрашивает, не будет ли у вас времени заглянуть к нему, прежде чем вы уедете на станцию?

Я умею отличать приказ от вопроса.

Спальня Дэмиана располагалась в противоположной части дома. Наверху от лестничной площадки широкая галерея вела к полуоткрытым двустворчатым дверям. Только я поднял руку, чтобы постучать, меня окликнули по имени, и я очутился в светлой комнате с высо-

кими потолками, обшитой панелями цвета «гри-трианон»¹⁶. Может быть, я ожидал увидеть мрачное логово колдуна, но нет – это было явно то второе место в доме, где, помимо библиотеки, обитал Дэмиан. Большая георгианская кровать красного дерева на ножках стояла у завешанной гобеленами стены, так чтобы лежащий был обращен к резному камину в стиле рококо. Над камином висел один из многочисленных портретов очаровательной леди Гамильтон работы Ромни. Высокие окна выходили в парк, на некий миниатюрный дендрарий, солидное и ухоженное собрание редких деревьев. По всей комнате беспорядочно стояли инкрустированные стулья. Письменный стол и маленькие столики были завалены книгами и уставлены всевозможными ценными предметами. Довольно милая кушетка, которая называется «герцогиня Бри», со сложенным в ногах пледом ждала, когда ей представится возможность принять и уютно устроить своего хозяина. Вся атмосфера была прелестной, утонченной и неожиданно женской – комната, оформленная в более тонком вкусе, чем я ожидал от хозяина.

Дэмиан лежал в постели. Я не сразу увидел в тени полога его размытые очертания. Сгорбившегося и обложенного подушками Дэмиана окружали письма и новые горы газет. Я невольно подумал, что для местных почтальонов наступит черный день, когда Дэмиан «снимет покров земного чувства»¹⁷.

– Ты нашел список, – сказал он.

– Нашел.

– Удивился?

– Про Джоанну я знал. По крайней мере, подозревал.

– У нас все закончилось еще задолго до того. Но я переспал с ней один последний раз в ту ночь, когда она вернулась из Лиссабона. Она тогда заглянула ко мне на квартиру. Видимо, хотела убедиться, что со мной все в порядке.

– Я не удивлен.

– И все продолжилось.

– Но разве к тому времени ты не переболел свинкой?

– Горло у меня заболело только несколько дней спустя. К тому же в организме сохраняется некоторое количество этого самого, не задетое болезнью.

– Слишком много информации.

– Как ты понимаешь, я успел стать величайшим в мире экспертом, – невесело ухмыльнулся он. Удивительно, как крепко он держался, несмотря на все, что с ним происходило. – А как остальные?

– Ну, с Терри спал даже я, и Кандида тоже не слишком меня удивляет, хотя не подумал бы, что тебе такие нравятся. Но про остальных двух я не подозревал.

– Полагаю, ты огорчился, увидев там свою старую подружку Люси.

– Только потому, что мне казалось, она не любит тебя так же сильно, как я.

Эти слова впервые за утро заставили его рассмеяться. Но затраченное усилие отдалось болью, и нам пришлось подождать, пока он придет в себя.

– Ее тянуло только к тем людям, которых она не любила. Всех остальных она делала своими друзьями. Включая тебя.

В какой-то степени это было справедливо, и я не стал перебивать.

– Ты с кем-нибудь из них видишься? – спросил Дэмиан.

Странно было слышать от него такой беззаботный тон, если вспомнить, как все закончилось.

– Почти нет. Сталкиваешься иногда с людьми – как это обычно бывает. Так что, они все вышли замуж?

¹⁶ «Гри-трианон» (Gris Trianon) (фр.) – светло-серый.

¹⁷ Аллюзия на монолог Гамлета «Быть или не быть». Перевод Б. Пастернака.

Мне вдруг показалось странным, что я этого не знаю.

– Да, рядом и в горе и в радости, в некоторых случаях – в очень горьком горе. Кандида – вдова. Муж погиб одиннадцатого сентября. Но я слышал, что до этого они жили очень счастливо.

Моменты, когда друзья из другой жизни внезапно оказываются тесно связанными с нынешним миром, порой потрясают.

– Мне очень жаль. Он был американец?

– Англичанин. Но работал в каком-то банке, нью-йоркский офис которого находился на одном из верхних этажей. По трагической случайности в тот день его вызвали туда на совещание.

– Боже, какой ужас... Дети есть?

– Двое от него. Но он не мог быть отцом ребенка, который меня интересует. Когда они поженились, мальчику было восемь.

– Да, помню, она была матерью-одиночкой. Храбрая!

– Для племянницы пэра в семьдесят первом году? Еще бы не храбрая! Грубовата, но энергична. Этим она мне и нравилась. – Дэмиан замолчал, и легкая улыбка тронула уголки его рта. – Есть ли имена, которые ты рассчитывал увидеть, но не нашел?

Мы переглянулись.

– Нет, но ведь список все равно не полон.

– Что ты имеешь в виду?

– Здесь только девушки, которые родили в определенный период времени.

– Конечно, – кивнул Дэмиан. – Все правильно. Он и во всех остальных отношениях не полон. – Пояснять он не стал, да и мне крайне не хотелось, чтобы он углублялся в эту тему. – Карточку нашел?

– Да. Правда, не думаю, что она мне понадобится.

– Пожалуйста, перестань вести себя как англичанин и глупец, – вздохнул Дэмиан. – У тебя нет денег. У меня денег столько, что если я начну до конца жизни тратить по миллиону фунтов в день, то едва ли оставлю в этой сумме заметную брешь. Пользуйся картой. Отведи душу. Ни в чем себе не отказывай. Воспринимай это как свой гонорар. Или как мою благодарность. Или как мои извинения, если хочешь. Но возьми ее.

– Я бы не сказал, что у меня совсем нет денег, – ответил я. – Просто у меня не столько денег, как у тебя.

Он не дал себе труда подтвердить мои слова, а я не стал дальше протестовать, так что, видимо, можно было считать, что я согласился.

– У тебя есть какие-то предпочтения, с кого мне стоит начать? – спросил я.

– Ни малейших, – покачал головой Дэмиан. – Начинай с кого хочешь. – Он помолчал, чтобы перевести дух. – Но пожалуйста, не откладывай это надолго. – Его голос стал резче и более хриплым, чем накануне вечером. То ли так всегда с ним бывало по утрам, то ли он чувствовал себя хуже. – Торопить я тебя, конечно, не хочу, – прибавил он.

Особенно горько во всем этом, даже для меня, было то, что он пытался говорить с приподнятой любезностью, как в комедии Рэттигана¹⁸. Таким тоном он мог произнести: «Может, партию в теннис?» Или: «Кого подбросить до Лондона?» Стойкости ему было не занимать.

– Мне кажется, времени на все это должно уйти немало, – сказал я.

– Разумеется. Но прошу тебя, не больше, чем необходимо.

– А если я не найду никаких сведений, ни положительных, ни отрицательных?

– Вычеркни тех, кто точно не подходит. Потом подумаем о тех, кто остался.

¹⁸ Теренс Рэттиган (1911–1977) – английский драматург и сценарист; в большинстве его пьес действуют персонажи верхнего среднего класса.

В этом была логика, и я кивнул:

- До сих пор не понимаю, почему я за это взялся.
- Потому что если откажешься, то будешь чувствовать себя виноватым, когда я умру.
- Перед ребенком – может быть. Но не перед тобой.

Обычно я не бываю резок и не могу сказать, почему я так говорил с ним в то утро. На злодеяния, которые я ему вменял, к тому времени уже вышел срок давности, они были забыты, а если и не забыты, то теперь не имели никакого значения, даже для меня. Но он тем не менее, кажется, меня понял.

Мои слова растворились в молчании. Потом Дэмиан поднял взгляд и твердо посмотрел на меня:

- За всю жизнь у меня не было друга, который был мне более дорог, чем ты.
- Тогда зачем ты это сделал?

Он плохо меня знал, если считал, что эти любезные, слащавые сантименты сотрут воспоминания о его поведении в тот вечер, который был худшим в моей жизни. И очень надеюсь, худшим не только в моей.

– Даже не знаю... – Дэмиан углубился в свои мысли, уставившись невидящим взглядом на пейзаж за окном. – Мне кажется, я с детства страдал от своего рода клаустрофобии души. – Он улыбнулся. – Просто я всегда терялся, когда дело касалось любви. И больше всего, когда мне приходилось принимать чью-то любовь.

На этом мы и расстались.

Может показаться, что я постоянно думал обо всех этих людях, и прежде всего о Дэмиане, с тех пор как сорок лет назад покинул последнюю в своей жизни танцевальную площадку, но это не так. Как любой человек, за прошедшие годы я пытался разобраться в запутанной алогичности своей жизни и уже давно не задумывался о том, что происходило со мной, да и со всеми нами. Тот мир, в котором мы тогда жили, был другой планетой, с другими чаяниями и надеждами, и, подобно планете, удалился от нас, следуя по собственной орбите. Время от времени на свадьбе или благотворительном собрании я мельком видел тех девушек, теперь покрывшихся морщинами и превратившихся в седеющих матерей семейства. Мы улыбались, говорили об их детях, и почему они уехали из Фулема, и лучше ли оказалось в Сомерсете, но не критиковали изменения, произошедшие в мире вокруг нас. Тот мир я полностью оставил сразу после Португалии и, несмотря на то что все уже забыто, никогда к нему не возвращался. Теперь, когда я задумался о нем, оказалось, что по некоторым из его персонажей я скучаю. Люси Далтон, например, всегда была моим надежным союзником. Ведь именно она окончательно повлияла на мою решимость пройти сезон. Я, правда, недолюбливал ее мужа. Пожалуй, в этом и была причина, по которой мы отдалились. Но сейчас это казалось слишком вздорной причиной, чтобы терять друга, поэтому я решил начать свое расследование с нее. Список подсказал мне, что Люси переехала в Кент и живет где-то неподалеку от Танбридж-Уэллс, так что позвонить и напроситься на обед будет нетрудно, под предлогом того, что я «проезжал мимо».

Говоря о том, что на мою решимость пройти сезон повлияла Люси, я имел в виду то, что по ее приглашению я оказался на Балу королевы Шарлотты, который тогда считался официальным началом балов и главной церемонией среди всех мероприятий. Не присутствовать на нем означало, что ты не считаешься полноправным участником, но я не собирался идти туда, поскольку изначально не нацеливался на полное членство. До бала оставалось совсем немного времени, как вдруг, к своему удивлению, я получил открытку от леди Далтон, которая просила меня составить им компанию. Прежде чем дать ответ, я позвонил ее дочери.

– Мы должны были взять с собой моего кузена, Хьюго Грекса, но он нас кинул, – без экивоков ответила Люси. – Если не можешь пойти, не страшно, только скажи сейчас, чтобы мы успели найти кого-нибудь другого. Все, кто хотел, уже идут.

Не самое лестное приглашение, но мне было любопытно, и, кроме того, я начинал понимать, что если собираюсь пройти сезон, то нужно делать все как полагается.

– Нет, почему же. Я с удовольствием пойду. Спасибо.

– Напиши маме, а то она подумает, что ты странный. К тому же она скажет, где и когда надо быть. Ты знаешь, что нужен фрак?

– Еще бы!

– Тогда если не увидимся раньше, то до встречи на балу. – И Люси повесила трубку.

Может быть, потому, что изначально я не собирался на бал, когда я в тот же день узнал, что Дэмиан Бакстер уже приглашен, это было для меня откровением. В те дни студентам колледжа Магдалены, как наверняка и многих других колледжей, предоставляли не просто комнатку для сна и занятий. Вместо этого у каждого студента была не только спальня, но и гостиная, что требовало немалого пространства под жилые помещения. В тот год мои комнаты находились в старом перестроенном домике на противоположной от колледжа стороне Магдален-стрит, который в 1950-х годах был поглощен новым университетским двором, появившимся вокруг него. Апартаменты были очаровательные, и я до сих пор вспоминаю о них с любовью, но находились они в различных частях здания. Я немало удивился, когда, сходя в спальню за книгой, вернулся в гостиную и обнаружил там Дэмиана, который стоял у камина и грел ноги перед kloкочущим газом.

– Как я понимаю, ты идешь на Бал королевы Шарлотты с Далтонами, – начал он. – Нельзя ли у тебя переночевать? Не хочется после всего сюда тащиться.

– Откуда ты знаешь?

– Люси поведала. Я сказал, что иду с Уоддилавами, и тогда она решила позвонить тебе. Ревную!

В этих словах содержалось очень многое. Даже больше, чем он сам понимал. Но может быть, и нет. Дэмиан явно был полон решимости попасть на бал. Зная о чувствах очарованной им Джорджины и подогревая их, он был уверен, что для него путь на бал лежит в этом направлении. Помимо этого, Дэмиан таким образом сообщал мне, что первым кандидатом Люси на замену отказавшегося кузена был он, а я всего лишь запасной вариант. Дэмиан хотел, чтобы я и это знал.

– Ты не говорил, что идешь.

– А ты и не спрашивал. – Он поморщился. – Джорджина Уоддилав. Фу! – Мы обменялись улыбками, что с моей стороны было постыдным вероломством. – Где ты берешь напрокат фрак?

– У меня свой, – ответил я. – Достался в наследство от кузена. Думаю, еще впору. По крайней мере, налез прошлым Рождеством, когда я ходил на охотничий бал.

Дэмиан кивнул и проворчал:

– Конечно, у тебя есть свой. Я и не подумал. – Настроение Дэмиана слегка изменилось. Он глотнул терпкого белого вина, которое я ему протянул. – Даже не знаю, зачем я туда иду.

– Тогда зачем идешь? – искренне удивился я.

Он на мгновение задумался:

– Потому что могу!

История костюма сама по себе увлекательный предмет, и любопытно, что я наверняка застану смерть по крайней мере одного вида одежды, который в свои лучшие времена играл весьма значимую роль, а именно фрака. С начала XIX века стараниями мистера Браммела и до середины XX фрак был излюбленным мужским костюмом для любого вечера в свете, униформа британской аристократии. Когда в конце 1920-х годов шурин спросил герцога Ратленда, надевает ли тот когда-либо смокинг, герцог ненадолго задумался и ответил: «Когда обедаю с герцогиней в ее спальне».

Некоторых удивило, что фрак пережил войну, так как шесть лет царствования смокингов и мундиров могли бы с ним покончить, но Кристиан Диор, возродив почти эдвардианский стиль одежды, с турнюрками, корсетами, стегаными тканями и подбоями, дал ход моде на пышные вечерние наряды, рядом с которыми скучный короткий смокинг выглядел неуместным. Затем летом 1950 года графиня Лестер давала в Холкеме для своей дочери леди Энн Коук бал, где присутствовали король и королева. Следующее утро ознаменовалось двумя открытиями. Первое, что вечером в фонтан упал официант и утонул. Второе, что фрак бесповоротно вернулся. Но в чем Диор и многие другие не отдавали себе отчета, так это в том, что фрак не просто одежда, а образ жизни, и этот образ жизни уже мертв. Фрак был частью заключенной в незапамятные времена сделки между аристократами и теми, кому повезло меньше, что первые большую часть дня будут проводить в дискомфорте, дабы создавать убедительный и солидный образ сильных мира сего. Все же блеск и роскошь веками были неразрывно связаны с властью, вплоть до сравнительно недавнего появления правительства уныло одетых людей. До Первой мировой войны для высших классов непреложным правилом было, находясь в загородном доме, переодеваться пять-шесть раз в день: для прогулки, для охоты, для завтрака, для обеда, для чая и для ужина. По меньшей мере три костюма в день были необходимы в Лондоне. Знать соблюдала эти утомительные ритуалы переодевания по той простой причине, что понимала: стоит им перестать выглядеть правящим классом, как они вскоре перестанут таковым быть. Наши политики лишь недавно усвоили то, что высшее общество знает уже тысячу лет: внешний вид – это всё.

Но почему же тогда традиция так стремительно отмерла? Потому что аристократы перестали верить в себя. Не только потеря слуги стала фатальной для гардероба. Важнее оказалась потеря присутствия духа, которая охватила правящие круги в 1945 году и продолжила разрушать уверенность в своих силах до тех пор, пока к концу семидесятых для всех них, за редким исключением, роль в жизни нации, а с ней и идея фрака потеряли значение. Мое поколение застало окончание этого процесса. Когда мне было восемнадцать лет, все охотничьи балы еще проводились во фраках, как и майские балы в Кембридже, и выпускные балы в Оксфорде. Несколько балов дебютанток еще пытались требовать фраки, и единственное событие, на которое фраки надевали безоговорочно, – это был Бал королевы Шарлотты. Сегодня, за исключением государственного приема в Букингемском дворце или Виндзоре или какого-то редкого и помпезного события в Коллегии адвокатов, фрак практически исчез. Странно даже подумать, что сорок лет назад мы все еще достаточно часто нацепляли на себя этот пиджак с длинными фалдами, поэтому имело смысл завести себе собственный.

Бал королевы Шарлотты не был закрытым торжеством. Это крупное благотворительное событие, и поэтому оно не следовало обычным правилам. Для начала он назывался обедом с балом, и это означало, что там мы должны были есть, поэтому собирались намного раньше, чем обычно. В те дни, когда еще не изобрели алкотестеры, обед с балом многими считался неформальным, уже не помню, почему так. Возможно, потому, что на них была атмосфера вечера в клубе где-то на задворках империи. Но в тот день нас ждала торжественная церемония, которая и придавала мероприятию такую важность. Наш план был собраться на лондонской квартире Далтонов в Куинсгейте, убедиться, что все на месте, и немедленно выдвинуться в сторону отеля «Гросвенор-Хаус».

Я позвонил во входную дверь, и домофон – у нас тогда они уже были – впустил меня. Квартира находилась на первом этаже, не нужно было настраиваться на долгий подъем по лестнице. Видимо, входная дверь была дверью в столовую, когда этот недавно построенный дом служил жилищем преуспевающей семьи поздних викторианских времен, но к 1960-м годам столовую разделили на прихожую и средних размеров гостиную. Как принято у таких семей, в квартире сохранили несколько ценных предметов, чтобы мы ненароком не ошиблись, определяя ранг обитателей. Со стены над камином, который из-за перепланировки комнаты оказался

сдвинутым далеко в сторону, стеклянным взглядом смотрел на нас портрет бабушки Люси в возрасте девятнадцати лет, принадлежащий, кажется, кисти Ласло. Странность пропорций увеличивала бытовавшая тогда мода закрывать каминную решетку большими листами оргалита, а перед ними помещать электрический огонь, как было сделано и здесь. За всю свою жизнь не могу припомнить обычай, который бы до такой степени намертво и гарантированно убивал комнату, чем это закрывание камина, но так делали все. Подобно омерзительной обшивке балюстрады лестницы, которую можно наблюдать почти в каждом доме, разделенном на квартиры, это нововведение было призвано придать пространству современный и рационализированный вид. Но потерпело неудачу.

– Вот и ты! – воскликнула Люси и торопливо поцеловала меня. – Страшно?

В комнате, не считая Люси, было еще четыре девушки, одетые во все белое – пережиток предвоенной традиции надевать белое на первое представление монарху. Конечно, в последние годы существования представления при дворе, которое приняло формы приема в саду, эта традиция не удержалась: девушки стали надевать изящные летние платья и шляпки с широкими полями, но когда эта традиция прекратилась и Бал королевы Шарлотты стал официальным началом сезона, правило белого вернули. Надевали даже длинные белые перчатки, но вместо «перьев Принца Уэльского»¹⁹, украшавших головы как дочек, так и матерей на всех довоенных фотографиях Ван Дика и Ленара, в этот год волосы убирали белыми цветами, а вот диадемы считались для незамужних девушек неподходящим украшением. На леди Далтон, как я с удовольствием отметил, красовалась недурственная диадема, и когда ее владелица подходила ко мне, приветливо улыбаясь, бриллианты отбрасывали огонь по всей комнате.

– Очень любезно, что вы пришли, – сказала она, протягивая руку в перчатке.

– Очень любезно, что вы меня пригласили.

– Бог знает, что бы мы делали, если бы вы отказались! – прибавил грубоватый, солдафонский тип, в котором я безошибочно угадал сэра Мармадюка. – Не иначе, остановили бы автобус и схватили первого попавшегося.

Позднее приглашение заставляет подозревать, что вами довольствовались за неимением лучшего. Но несколько удручает, когда вам сообщают об этом откровенно.

– Не обращайтесь внимания, – жестко сказала его жена и повела меня прочь, туда, где стояла остальная молодежь.

На приеме ожидалось большее разнообразие возрастов, чем обычно, поскольку с нами в тот вечер собирались присутствовать большинство матерей и отцов если не всех молодых людей, то хотя бы всех девушек. Я познакомился с парой довольно приятных банкиров и их женами, а также с миловидной итальянкой миссис Уэйкфилд, замужем за кузеном леди Далтон. Она приехала в столицу из Шропшира открывать светскую карьеру своей младшей дочери Карлы. Мы перешли к самым девушкам. Среди них была некрасивая, краснолицая Кандида Финч, с которой я уже был знаком. По правде сказать, мне с ней было тяжело, но в те дни нас программировали вести разговор с любым, кто окажется рядом, и я без особых затруднений пустился в требуемую светскую беседу: перечислил общих знакомых, напомнил ей, что мы оба были на той коктейльной вечеринке и на этой, хотя до сих пор едва ли перекинулись друг с другом парой слов. Кандида кивала и отвечала достаточно учтиво, но, как всегда, слишком громко, слишком напористо, а порой внезапно разражалась громовым хохотом, так что можно было подпрыгнуть от неожиданности. Сейчас, конечно, я понимаю, что она злилась на то, как повернулась ее жизнь, но в юности мы нередко бываем слепы и бессердечны. Я глянул на взрослых, потягивающих коктейли в другом углу комнаты:

– Твоя мама здесь?

Она покачала головой:

¹⁹ «Перья Принца Уэльского» – головной убор с тремя перьями, расположенными как на гербе принца Уэльского.

– Мама умерла. Когда я была еще ребенком.

К такому я оказался не готов, да и прозвучало это с надрывом. Я пробормотал какие-то неопределенные извинения, заговорил о том, что, видимо, спутал ее с кем-то другим на их общей фотографии в журнале. На этот раз Кандида заговорила намного жестче:

– Ты имеешь в виду мою мачеху. Нет. Ее тут нет. И слава богу!

По интонации было все понятно, а выражением в конце фразы она, видимо, хотела сообщить мне и всем стоящим рядом о своих неладах с мачехой. Удивительно, почему люди порой так стремятся оповестить чужих о не самых гладких отношениях в семье. Должно быть, потому, что зачастую это единственная трибуна, где они имеют власть высказать, что думают о близких, и находят в этом определенное удовлетворение. Так или иначе, я принял это к сведению. В конце концов, ситуация не такая уж уникальная.

Как я впоследствии узнал, история Кандиды была печальна. Ее мать приходилась сестрой матери Серены Грешэм, леди Клермонт, так что девушки были двоюродными сестрами. Но миссис Финч умерла в тридцать с небольшим лет – я так и не знаю от чего, – и овдовевший муж, которого в семье и так уже не слишком жаловали, едва осушив слезы, заключил брак с бывшей агентшей по недвижимости из Годалминга. Все сошлись на том, что он женился неудачно. Кандиде была навязана равнодушная мачеха, которую девочка к тому же возненавидела, а Клермонты обрели нежеланную родственницу. В довершение, когда Кандида была подростком, ее отец, мистер Финч, тоже умер – и в этом случае известно, что от инфаркта, – бросив дочь на милость своей вдовы, коей перешли остатки его состояния до последнего пенни, а также обязанность исполнять роль опекуни. В этот момент вмешалась тетя Кандиды, леди Клермонт, и попыталась перехватить бразды правления. Но миссис Финч из Годалминга на кривой кобыле не объедешь! Она оставалась глуха ко всем советам по обучению падчерицы, и лишь с большими трудностями добились ее разрешения, чтобы Кандида участвовала в сезоне, расходы по которому, надо думать, леди Клермонт взяла на себя. Все понимали, что девушка очутилась в незавидном положении, и ему сочувствовали бы больше, если бы оно не отражалось в ее шумных и несуразных манерах. Не способствовала успеху и внешность Кандиды. Темные волосы, выющиеся и непослушные, каким-то образом лишь подчеркивали цвет лица, более подходящий чернорабочему. Кроме прочего, у нее были веснушки и нос как у Пинокио. При рождении Кандиде Финч выпала очень непростая карта.

– Ну ладно. Пора идти! – хлопнула в ладоши леди Далтон. – Как поедет? У кого есть машина?

Отцы допили двойной martini и подняли руки вверх.

Есть одна важная характеристика другого мира, в котором я некогда обитал, – ее нечасто упоминают, но она затрагивала каждую минуту каждого дня, – это дорожное движение. То есть его отсутствие. Или, по крайней мере, такой его объем, что не сравним с сегодняшним. Количество машин, выезжающих сегодня на улицы Лондона в начале обычного рабочего дня, можно было увидеть разве что в шесть часов вечера в пятницу в конце декабря, когда люди отправлялись из города на Рождество. Тема невозможности припарковаться просто еще не родилась. Время, которое отводилось на дорогу, было реальным временем. Лондон – по крайней мере, тот город, где обитало большинство из нас, – оставался невелик, и редко когда кто-нибудь выходил больше чем за десять минут до встречи. Если говорить о напряженности жизни, разница невероятна.

Еще один контраст с днем сегодняшним представлял район, где мы жили. Начнем с того, что в Лондоне верхняя часть среднего класса и высший класс еще не вышли за пределы своих традиционных мест обитания: Белгравии, Мейфэра и Кенсингтона – или Челси, если они отличались некоторой экстравагантностью. Помню, мать везла меня мимо очаровательных георгианских домов на Фулем-роуд, по дороге на футбольное поле. Я восхитился ими, и мама кивнула: «Они очаровательны. Жаль, что жить здесь нельзя».

И если уж Фулем не принимался к рассмотрению, то Клэпхем или, того хуже, Уондсуорт вообще никак не были связаны с их жизнью и не входили в их понятийное пространство – разве что как место, где живет приходящая прислуга или где можно вырезать стекло, отремонтировать ковер или найти аукционный зал подешевле. Вскоре этой ситуации суждено было измениться: когда мое поколение начало вступать в брак и началась «джентрификация» южного берега Темзы. Но в конце 1960-х этого еще окончательно не произошло. Хорошо помню, как я ехал с родителями на обед к их обедневшим друзьям, которые на заре новой эры, за отсутствием других возможностей, купили дом в Баттерси. Когда мать зачитала вслух сидящему за рулем отцу, как надо ехать, и расположение конечной точки нашего пути прояснилось, она подняла глаза от листка бумаги и спросила: «Они что, с ума сошли?»

Нужно помнить, что по крайней мере до середины 1960-х сравнительно дешевое жилье можно было найти в любой части города, так что острой необходимости переселяться в другой район не было. Можно было обосноваться отнюдь не во дворце, но это не значит, что не нашлось бы местечка поблизости от дворца. Одно время мы жили на углу Херефорд-сквер, и рядом с западной ее стороной, хотите верьте, хотите нет, находилось небольшое поле, где кто-то держал пони. На углу поля стоял домик, возможно когда-то входивший в комплекс конюшен, и в моем детстве, пришедшемся на середину пятидесятых, его занимали не слишком удачливый актер и его жена, художник-керамист. Замечательные люди, мы часто с ними виделись, но бедны они были как церковные крысы. Но тем не менее жили в домике рядом с модной площадью. В следующий раз я вошел в этот дом тридцать лет спустя. Его арендовал звездный голливудский режиссер, снимавший фильм на студии «Пайнвуд». Недавно этот домик продали за семь миллионов. Результатом строительного бума стало не только расселение людей с родных мест, но и конец «разномастности» лондонского населения. Художники, едва сводящие концы с концами, писатели без гроша в кармане больше не обитали в небольших, тесно прижавшихся друг к другу домиках в Найтсбридже или за Уилтон-Кресент, где некогда они ходили в одни магазинчики и на одну почту с графинями и миллионерами. Учителя, поэты, профессора, ученые, портнихи, оппозиционные политики были изгнаны. На их место явились банкиры. И мы от этого только потеряли.

Большой зал «Гросвенор-Хаус» был подходящим местом для официального старта сезона. Он сиял такой узнаваемой сегодня и типичной для шестидесятых напыщенной роскошью, которую Стивен Полякофф²⁰ окрестил еврошиком. Через вестибюль отеля надо было пройти к галерее, откуда широкая лестница с алюминиевой балюстрадой вела вниз, к залу со сверкающим полом. Мне вдруг стало радостно, что я пришел. Стояло начало июня, вечер был теплый, слишком теплый для юношей, поскольку тогда наши фраки делались из шерсти, но есть что-то многообещающее в приеме, который проводится теплым летним вечером. Обычно он обещает больше, чем приносит.

Несколько лет спустя, когда традиция уже исчезала, сезон должен был учитывать интересы выпускников и не забывать о деловых девушках, сдававших в это время экзамены на аттестат о среднем образовании, но тогда такого еще не было. Если бы кто-нибудь изложил подобные соображения в 1968-м, его сочли бы странным, эксцентричным и мелкобуржуазным. Вспоминая те дни, я понимаю, что едва ли нашлись бы родители, которые считали, что будущее их дочерей может быть каким-то иным, нежели точным повторением их настоящего. Как они могли быть столь уверены в своих ожиданиях? Неужели им не приходило в голову, что случаются перемены? Ведь их же поколение пережило достаточно событий, перевернувших мир!

Я постоял, прислонившись к балюстраде. Есть нечто притягательное в том, чтобы смотреть сверху на бальный зал, который заполняют украшенные цветами лебеди. Признаюсь, в то мгновение, когда мы с Люси вместе спустились, улыбаясь и кивая, как полагается, при всех

²⁰ Стивен Полякофф (р. 1952) – английский драматург, режиссер и сценарист российского происхождения.

плюсах и минусах этого ритуала, я был счастлив оказаться его частью. Издалека мне махнула Серена, и меня это воодушевило.

– За каким столиком она сидит? – спросил я.

Люси проследила за моим взглядом. Мне не нужно было уточнять ей, о ком мы говорим.

– С матерью. Она в голубом. Беседующая пара в конце стола, похоже, Мальборо, а эта толстая, рядом с лордом Клермонтом, наверняка принцесса Дании. Насколько я помню, одна из крестных Серены.

Я решил туда не ходить.

Люси остановилась.

– А вон твой друг. Кует железо, пока горячо.

В нескольких ярдах от нас Дэмиан весело перешучивался с Джоанной Лэнгли.

Я не собирался спускать этого Люси.

– И твой друг тоже, насколько я понимаю, – язвительно произнес я, за что заслужил извиняющийся взгляд.

За сплетничающей парой с кислым видом наблюдала трагическая фигура Джорджины Уоддилав. Несчастливая Джорджина! Стиль, который шел всем без исключения, подавал ее в невыгодном свете. Она напоминала огромное белое бланманже. Цветы, прикрепленные к целой горе накладных локонов, походили на клочки бумаги, застрявшие в ветвях дерева. Я подошел к Дэмиану:

– Вещи у тебя с собой?

– Все в гардеробе, – кивнул Дэмиан и улыбнулся Джоанне. – Я сегодня у него ночую.

– Разве у твоих родителей нет местечка в Лондоне?

Подобными вопросами Джоанна время от времени выдавала себя. По крайней мере, показывала, что не входит в число столпов этого мироустройства. Даже глядя из дня сегодняшнего, я уверен, что у нее не было злого умысла – вовсе нет, но она не научилась щадить чужие чувства, избегая темы, которая могла оказаться деликатной. Отчасти так случалось, потому что, невзирая на большие планы, Джоанна не слишком интересовалась деньгами. Если бы выяснилось, что у родителей Дэмиана нет дома в Лондоне, поскольку это им не по карману, она не стала бы хуже о них думать. И значит, она обладала гораздо большей щедростью души, чем большинство из нас. Дэмиан, как обычно, остался невозмутим.

– Нет, местечка нет, – сказал он, не пускаясь в дальнейшие объяснения.

Тогда я еще этого не заметил, но Дэмиан никогда не сообщал о себе ничего лишнего, если ему не задавали прямой вопрос. И даже тогда информация выдавалась строго дозированной.

– Давайте лучше сядем. – Джорджине наконец надоело, что Дэмиана, как она выражалась, оккупировала мисс Лэнгли.

Я улыбнулся ее недовольству.

– Ты в этой группе? – спросил я Джоанну.

– С моей матерью? Конечно нет! – Джоанна тряхнула головой и засмеялась.

И я поймал себя на том, что слежу за движениями ее губ. Ее красота казалась мне гипнотически совершенной, словно я стоял рядом с кинематографическим идиолом, проецирующимся на невидимом экране.

– Думаешь, она бы упустила шанс набрать себе собственных гостей? – Джоанна кивнула в сторону, и я увидел маленькую женщину, энергичную и деятельную, с большим количеством драгоценностей, которая тревожно смотрела в нашу сторону. – Надо идти, – сказала Джоанна и побрела прочь.

– Ты, наверное, тоже уходишь? – спросил Дэмиан. – Обо мне подумай!

Последние слова были прибавлены раздосадованным полушепотом, достаточно громким, чтобы их уловила Джорджина, хотя не уверен, что она услышала.

– У тебя была возможность оказаться в другой группе. Мог бы быть на моем месте, если бы принял первое предложение.

Я не предпринял попытки скрыть эти слова от слуха Люси и не собирался, так что Дэмиан мог адресовать свой ответ ей.

– Цитируя мадам Греффюль, «Que j'ai jamais su», – произнес он.

Люси засмеялась. Но тут люди уже окончательно начали рассаживаться, и мы отправились в обратный путь к столику ее матери.

– Кто эта мадам, как ее там? – спросил я.

– Марсель Пруст захаживал на ее приемы, когда был молод. Много лет спустя ее спросили, что она чувствовала, принимая у себя в салоне такого гения, и она ответила: «Que j'ai jamais su!»

– «Если бы я только знала».

– Именно так.

Я молчал, размышляя о том, откуда Дэмиану известны такие тонкости. Как он догадался, что их поймет Люси? Позже я узнал, что это один из его талантов. Точно белка, он выискивал любые ненужные с виду крохи информации, например сейчас: поразительный факт, что Люси Далтон читала Пруста, – и приберегал их до поры до времени, когда они пригодятся, чтобы создать мимолетную магическую связь, которая отсечет всех остальных присутствующих и объединит его с объектом притязаний в их общий уютный клуб для двоих. Я видел подобный трюк в исполнении других, но редко с такими потрясающими результатами. Дэмиан всегда выбирал правильный момент.

– Пожалуйста, не говори мне, что ты удивлен, – улыбнулась Люси.

– Немного. – Я окинул взглядом толпу в сияющих белых одеждах, которая пододвигала себе стулья, болтая и смеясь. – Сомневаюсь, что многие тут читали Пруста.

– Если и читали, то не скажут. Присутствующие мужчины будут преувеличивать свои знания. Женщины – скрывать.

Надеюсь, что сейчас эти слова оказались бы неправдой, но тогда, боюсь, они были справедливы.

Люси наслаждалась моим озадаченным молчанием, пока я не прервал его.

– Я думал, тебе он не нравится, – проговорил я, как могло показаться, невпопад, но на самом деле вполне логично.

– Не слишком, – пожала плечами она. – Кто тебе сказал, что первым я пригласила его?

– Он сам и сказал. А что? Это секрет?

– Нет. – Она посмотрела на меня. – Прости. Я должна была пригласить тебя раньше его. Наверное, я просто подумала, что ты и так уже идешь.

– Все правильно, – беззлобно кивнул я. – Не извиняйся. Почему тебе не просить его первым? Он намного красивее меня.

Это ее позлило, как я и рассчитывал, но возможность для ответного выпада была упущена. Мы уже подошли к их группе, и леди Далтон указала нам наши стулья. Меня посадили между Карлой Уэйкфилд и Кандидой.

Во время первой перемены блюд я разговаривал с Карлой о том, кого мы оба знаем там, где она и я учились, о наших планах на лето и о том, какие виды спорта нам нравятся, пока не унесли недоеденный лосось и не принесли неизменную курицу. Тут я повернулся ко второй соседке и сразу понял, что продолжать в том же духе не выйдет.

– У тебя хорошо получается, – заметила она, хотя сказано это было не то чтобы враждебно, но и не особо дружелюбно.

– Благодарю, – ответил я.

Кандида, конечно же, не собиралась меня хвалить, но, ответив на ее слова как на комплимент, я не оставил ей возможностей для маневра. Она сердито уставилась себе в тарелку.

Я попробовал более прямолинейный подход:

– Если тебе здесь не нравится, почему ты сюда пришла?

Кандида зыркнула на меня:

– Потому что тетя все сама устроила, не предоставив мне выбора. Она единственный мой родственник, кому небезразлично, жива я или умерла. И главное, потому что я не знаю, чем еще заняться. – Как обычно, обсуждая свою семью, она говорила с плохо скрываемым гневом. – Я под опекой мачехи с четырнадцати лет, и теперь из-за ее вывернутых представлений о том, чему должна учиться девушка, я осталась без образования, без профессии и совершенно не готова ни к какой работе. А теперь от меня ждут, чтобы я сама строила свою жизнь. Не знаю, что они имеют в виду. Моя кузина Серена говорит, что все наладится, если я буду знать в Лондоне больше людей. С этим я не спорю. Только тут не такие люди, которых я хотела бы узнать. – Презрительно фыркнув, она показала рукой на зал.

Тяжело потерять к восемнадцати годам обоих родителей, даже если Оскар Уайльд считал это небрежностью²¹.

– В какую школу ты ходила?

– Каллингфорд-Грэндж.

Едва ли я про такую слышал.

– Это в Хартфордшире?

Кандида кивнула:

– Такое место, где они беспокоятся, если ты слишком много читаешь, вместо того чтобы гулять на свежем воздухе. – Она закатила глаза, давая понять, что думает о странности выбора, сделанного мачехой. – Правила хоккея – ночью разбуди, расскажу. А литературе, математике, истории, искусству, политике или жизни там не учили.

Я верил ей, потому что описание было мне очень знакомо.

Мне кажется – дай бог не ошибиться, – что я происхожу из последнего поколения привилегированного класса, не занимавшегося образованием своих дочерей. Даже в 1968 году в Кембридже и Оксфорде существовали женские колледжи, но они, как правило, заполнялись дочерьми буржуазной интеллигенции. Девушки высшего света были там в диковинку, и единственная студентка, которую я помню из своего курса, после первого семестра вышла замуж за владельца замка в Кенте. Случались исключения, но эти девушки, как правило, происходили из семей, известных эксцентричной традицией давать своим женщинам образование, а не из обычных землевладельцев. Что до остальных, то родители экономили на всем, чтобы отправить мальчиков в Итон, Винчестер или Хэрроу, а их сестер препоручали какой-нибудь спившейся бельгийской графине, выдавая той единственное распоряжение: не беспокоить родителей.

Окончив школу, девушка могла провести год в пансионе, где совершенствовалась в языках и катании на лыжах. Еще год она выезжала в свет, после чего получала должность – украшала цветами кабинет правления компании, готовила обеды для директоров или работала у своего отца, – до тех пор, пока не обнаруживала мистера То Что Надо, который, если повезет, оказывался наследником лорда То Что Надо. Вот, собственно, и всё. При удачном стечении обстоятельств достойный Джон То Что Надо оказывался то что надо и для мамочки с папочкой, поскольку они, как и их родители, собирались одобрить выбор. В тридцатые-сороковые годы нашим матерям если и не навязывали мужа, то, по крайней мере, препятствовали браку, не одобренному родителями. У всех нас имеются истории о тетях и двоюродных бабушках, которых отсылали изучать живопись во Флоренцию, или погостить у родственницы в Шотландии, или учить французский в швейцарском горном шато, лишь бы отвести их от зло-

²¹ «Потерю одного из родителей еще можно рассматривать как несчастье, но потерять обоих похоже на небрежность». Уайльд О. Как важно быть серьезным. Перевод И. Кашкина.

счастливой сердечной привязанности. И чтобы поклонники Барбары Картленд не обольщались, это, как правило, срабатывало.

Вовсе не хочу сказать, что все девушки, шедшие этой дорогой, страдали. Многие из них были абсолютно счастливы. Первые годы замужества они проводили в некой части Лондона, которую их матери считали сомнительной, потом, если девушка сделала хороший выбор, она могла переселиться в большой дом в поместье свекра. «Нам с Физзи столько места не надо, мы и решили, что пора детям начать свою жизнь». У некоторых свекор оказывался несговорчивым и не желал съезжать, а у большинства не было дома, который они могли бы получить в наследство, поэтому молодая пара обычно покупала коттедж или сельский дом, а если дела в Сити шли отменно, то особняк в стиле королевы Анны в Глостершире, Оксфордшире или Саффолке. После этого свекор ходил на охоту и ругал политику, они вдвоем катались на лыжах и тревожились за детей, а свекровь занималась благотворительностью, принимала гостей, а если дела в Сити шли хуже, продавала искусственные драгоценности друзьям, которым было неудобно отказаться от покупки. И так пока не вырастали дети и пора было сперва переезжать в дом поменьше, а там уже и умирать. Но прежде чем пожалеть о них, стоит подумать, что вести такое существование не в пример приятнее, чем с трудом добывать себе пропитание в грязи степей Узбекистана.

Но что оставалось делать таким, как Кандида Финч? Она была явно умна, но ее внешность и манеры, мягко скажем, не могли возместить недостатка образования. И вряд ли стоило ожидать, что вот-вот появится какой-нибудь муж. Или много денег. Какие возможности оставались ей?

– Ты знаешь, чем бы ты хотела заниматься? – спросил я.

Она снова в раздражении закатила глаза:

– А что я могу?

– Я спросил, чего бы тебе хотелось.

Этого хватило, чтобы Кандида немного смягчилась. Как-никак это был искренний, заинтересованный вопрос.

– Пожалуй, я бы хотела попробовать себя в писательстве, но я не училась в университете. И не предлагай мне пойти учиться сейчас, мы оба знаем, что этого не будет. Сейчас уже слишком поздно, я все упустила. Можно было бы выпросить пару фунтов у крестных и попробовать опубликоваться за свой счет, но они должны быть готовы, что потеряют эти деньги, и все ради того, чтобы купить мне право говорить на приемах о моих книгах. Это самое большее, чего я могу достичь.

– Смотри, чтобы ты не поставила себе целью ничего не добиться, чтобы досадить мачехе. Насколько я понял из твоего рассказа, ей будет все равно, выиграешь ты или проиграешь.

Я побоялся, что зря сказал это, ибо наше короткое знакомство не давало мне на это никакого права, но она рассмеялась.

– Это ты прав! – Голос ее стал теплее. – Ты хорошо смыслишь в таких вопросах.

Когда ужин закончился, по какому-то заранее условленному сигналу белоснежные дебютантки упорхнули, оставив за столами только родителей, молодых людей и случайно затесавшихся девушек-недебютанток, пестрых и угрюмых. Наступило время церемонии, ради которой мы пришли, и хотя не стану лукавить, что разделял восторги и ликующее ожидание собравшихся в зале матерей, нам, остальным, все же было любопытно. Сперва в центр бального зала выкатили невероятных размеров торт, футов шести-семи высотой, не иначе. Затем со своего места сурово и торжественно поднялась патронесса бала, подошла к торту и встала рядом. Мне помнится, что эту должность всегда занимала леди Ховард де Уолден, но могу ошибаться. Возможно, они по очереди выполняли свои обязанности с герцогиней Какой-То. Во всяком случае, это была крупная фигура на весах, измеряющих значимость в обществе. Иначе все теряло бы смысл. Ибо ее строгая, безупречная осанка, уверенность и достоинство коронован-

ного монарха, которыми многие из этих женщин обладали от природы, в отличие от многих из дочерей, придавали действию солидность. Оркестр грянул, и все посмотрели вверх лестницы, где выстроились парами девушки этого года, ожидая сигнала. И вот они в медленном и размеренном ритме начали двигаться вниз, суровые, словно прислуживают на похоронах папы римского.

Они спускались, и огни играли на белых цветах в блестящих локонах, на длинных белых перчатках, на белых кружевах и шелке платьев, на светящихся, гордых, полных надежды лицах. Как только девушки доходили до подножия лестницы, каждая пара шествовала к тому месту, где стояла патронесса, приседала в глубоком придворном реверансе и продолжала путь дальше. Не все они выглядели в самом выгодном для себя свете. Джорджина, пока неуклюже ковыляла до твердой почвы, напоминала Годзиллу в саване. Но у большинства девушек в их одинаковости виделось нечто неземное. Шестьдесят обликов ангелов Монса²², спустившихся облегчить скорбь тех, кто собрался внизу.

Не исключено, что к этим выводам я пришел уже сейчас, оглядываясь на все прошедшее, но именно в тот момент я осознал, что событию, свидетелями которого мы стали, жить остается недолго. Всего несколькими поколениям еще суждено принять участие в этом действе и ему подобных. Мечта наших родителей любыми силами сберечь для своих детей частичку старого, довоенного мира была химерой, а я наблюдаю лишь начало конца. Забавно – и вы, возможно, мне даже не поверите, – но это было потрясающее зрелище. Как и все четкие, синхронные процессы, эта завораживала своим видом. Девушки подходили и подходили, пара за парой скользя по лестнице, опускались в низком реверансе и двигались дальше. И все происходило перед гигантским тортом. Может быть, в рассказе это звучит нелепо. Абсурдно. Даже смешно. Но на самом деле вовсе не казалось таковым. Могу лишь добавить, что я там был и все это не вызывало смеха.

Проход завершился. Девушки прошли обряд посвящения, их статус дебютанток этого года утвержден, и пора было начинать танцы. В противоположность своей недавней торжественности оркестр заиграл мелодию, стоявшую в те дни на вершине хит-парада, «Simple Simon Says», одну из тех утомительных песен, которые содержат множество назойливых указаний для слушателя: «Вместе руки поднять, а теперь помахать» – и так далее, но, будучи безнадёжно пошлой, она прекрасно разряжала обстановку. Люси уже танцевала с другим мужчиной из нашей группы, и я пригласил Кандиду. Мы вышли на середину зала.

– Что за человек, с которым ты разговаривал перед обедом? – спросила она.

Мне не было нужды следить за направлением ее взгляда.

– Дэмиан Бакстер, – ответил я. – Он остановился у меня в Кембридже.

– Ты должен нас представить.

Тогда-то я впервые столкнулся с самой пугающей частью репертуара Кандиды. Каждый раз, едва она находила кого-то привлекательным, с ее стороны следовал дикий, вроде маорийского приветственного танца, ритуал, который она считала кокетливым. Кандида закатывала глаза, фыркала, раскачивалась вперед-назад, сопровождая это оглушительным хохотом, больше приличествующим пьяному рабочему, а не выходящей в свет молодой девушке. Будем откровенны, достаточно часто это поведение приводило к желаемым целям, поскольку в сути предлагаемого не оставалось никаких сомнений, а выбором в те дни мы не были избалованы. Но вряд ли такая манера помогала установить серьезные связи, и к исходу сезона Кандида заработала репутацию доступной девушки. На меня непосредственно это шоу никогда обращено не было, так как я Кандиду совершенно не интересовал, но даже для наблюдателя из зрительного зала оно выглядело пугающе.

²² Как гласит легенда, во время Первой мировой войны в битве при Монсе британских солдат защитили спустившиеся с неба ангелы.

Следуя за ее голодным взглядом, я оглянулся и увидел Дэмиана, стоящего в центре небольшого, но восторженного скопления. Там была и смеющаяся Серена Грешэм с Карлой Уэйкфилд и еще парой девушек, которых я не знал. Джорджина держалась с краю, на своем обычном месте обиженного свидетеля чужого веселья. Потом я заметил, что там же стоит Эндрю Саммерсби и миссис Уоддилав настойчиво, но безрезультатно пытается втянуть его в разговор или, точнее, пытается вовлечь его в разговор с дочерью. Но ни тот ни другая не поддавались, видимо, за отсутствием интереса с обеих сторон. Один мой приятель из Атланты называет подобного рода светское времяпрепровождение перекачиванием грязи буровым насосом. С другой стороны стола за ними наблюдала женщина постарше, вероятно из числа гостей миссис Уоддилав, но я ее не узнал. Необычный персонаж даже в той компании. У нее было капризное лицо деревянной куклы. А из-за странного сочетания неестественно темных волос, больше свойственных уроженцам Бенидорма, чем старой доброй Англии, и пронизывающих бледно-голубых глаз, испещренных зелеными и желтыми пятнышками, облик ее был несколько безумен: что-то от Лиззи Борден²³, что-то от хищного горноста. Она сидела не шелохнувшись и слушала вялый разговор, но неподвижность ее таила скрытую опасность: зверь, застывший, но готовый к прыжку.

– Кто это стоит напротив миссис Уоддилав и Эндрю Саммерсби?

Кандида оторвала жадный взгляд от Дэмиана и посмотрела в указанную сторону:

– Леди Белтон, мать Эндрю.

Я кивнул. Мог бы и догадаться, судя по тому, что его сестра Аннабелла Уоррен тоже стояла среди девушек в группе Уоддилавов. Я оглянулся на *Madame Mère*²⁴, которая проводила смотр войскам. О леди Белтон мне доводилось слышать, но до этого вечера я не видел ее. Одно взгляда было достаточно, чтобы убедиться в справедливости ее репутации.

Графиню Белтон не любили, потому что человеком она была неприятным. Глупа, чванлива до безумия и беспредельно высокомерна. Ее нельзя было назвать ни тщеславной, ни экстравагантной, но в своей невзрачности она доходила до такой крайности, что это уже переставало быть добродетелью. В тот вечер графиня была одета словно с витрины благотворительного магазина Сью Райдер в Уэст-Хартлпуле. Впоследствии я узнал ее лучше и возненавидел, но сейчас уже не могу объяснить почему. Возможно, ее решительное нежелание подчиняться нынешним временам придавало ей ощущение внутренней правоты. В моей памяти леди Белтон резко выделяется среди матерей того года, хотя тогда я еще не познакомился с ее многострадальным мужем, который всегда находил отговорку, чтобы не вмешиваться. И еще я перекинулся парой слов, не более того, с лордом Саммерсби, их скучным и бестолковым старшим сыном и наследником. Но и не зная ничего этого, я сразу увидел, что мать Джорджины ведет себя слишком откровенно, а избранные ею цели безнадежны.

Глядя, как она вспыхивает улыбками в адрес каждого и пытается завладеть интересом своей дочери, Кандида произнесла вслух то, что я подумал:

– Мечтайте дальше, миссис Уоддилав!

Кандида была права. Безнадежная фантазия. Самому непредвзятому наблюдателю было очевидно, что предубеждения леди Белтон никогда не позволят ей одобрить союз с такими, как Уоддилавы, хотя при этом она преспокойно могла есть и пить в тот вечер за их счет. У леди Белтон и в мыслях не было породниться с ними, даже если бы девушка блистала красотой. Разве что в деле будет фигурировать сумма, примерно эквивалентная совокупному национальному долгу стран Африки. А юноша, похоже, был неспособен к самостоятельному мыш-

²³ Лиззи Борден (1860–1927) – американка, обвинявшаяся в убийстве отца и мачехи топором; несмотря на недоказанность обвинений, ее имя стало нарицательным именем убийцы.

²⁴ «Мадам Мать» – титул, которым Наполеон Бонапарт приказал именовать свою мать.

лению, и в этом я оказался прав. К несчастью, Джорджина была не из того типа женщин, что пробуждают безрассудную любовь.

Мы потанцевали еще. Как хорошо воспитанный мальчик, я пригласил на танец свою хозяйку леди Далтон – традиция, повсеместно соблюдавшаяся в те дни, но теперь почти забытая. Для меня в этой практике всегда было нечто комичное: ты ведешь женщину средних лет, она жалеет, что это не фокстрот, а ты не дожدهшься, когда это все закончится, рука невесомо лежит на жестком корсете, который обычно чувствуется под тканью вечернего платья, но, как ни забавно мне было, я жалею, что ушла традиция танцевать с родителями друзей. В нашем все более и более разобщенном обществе она выстраивала между поколениями мостик, а ни одним из уцелевших мостиков пренебрегать не стоит.

– Вы знаете, что будете делать, когда окончите университет? – спросила меня леди Далтон, пока мы равномерно переминались на паркете.

– Не особо, – покачал я головой. – Нет еще.

– Значит, у вас нет какого-то заранее определенного примера?

И вновь я ответил отрицательно.

– Нет поместья, которое достанется мне в наследство, как нет и семейного бизнеса, который бы меня поглотил.

– Чем занимается ваш отец?

В те времена, в конце шестидесятых, этот вопрос звучал на грани неприличия, поскольку английские аристократы еще продолжали делать вид, что профессиональная деятельность человека представляет небольшой и только личный интерес. Но понятно, что леди Далтон в тот момент вела активные поиски.

– Он дипломат. Но даже если я захочу пойти по его стопам, министерству иностранных дел больше не нужны такие, как я.

Это было отчасти правдой. Если бы я был каким-то исключительным кандидатом, могло бы сложиться по-другому, но что касается регулярного набора, министерство, всегда бывшее королевством в британском королевстве, в шестидесятые годы решило, что эпоха посла – благородного джентльмена закончилась и поэтому необходимо набирать на дипломатические должности более низкие сословия, видимо, чтобы к ним серьезнее относилась послевоенная интеллигенция. Или это был способ сменить политическую ориентацию. Получившиеся сорок лет спустя результаты такой политики вышли противоречивыми еще и потому, что ее не поддерживали на материке. Сегодня на британского посла в мировых столицах смотрят как на чудака и зарубежные коллеги, и высшее общество города, в котором он оказывается. Можно было бы подумать, что эта политика пагубно сказалась на возможностях нашего закулисного влияния. Но может быть, на то и был расчет.

Леди Далтон кивнула:

– Как интересно будет увидеть, что с вами со всеми станет!

Тут музыка закончилась, и я проводил леди Далтон обратно к столику. Она была славной женщиной, и дружеские отношения связали нас сразу, как наши дороги пересеклись, но с того момента она полностью потеряла ко мне интерес.

Около часа ночи руководитель оркестра, подойдя к микрофону, велел нам выбрать себе партнеров для галопа, и мы поняли, что вечер подходит к концу. Когда я наблюдаю за современным поколением, мне кажется совершенно невероятным, что мы, принимавшие активное участие в жизни в «бушующих шестидесятых», немало балов заканчивали этой старинной пляской. В отличие от шотландских риллов, которые тоже составляли часть программы большинства вечеров, галоп всегда шел последним танцем и на самом деле был всего лишь поводом показать, насколько вы пьяны. Надо было схватить самую невзрачную девушку и промчать ее по залу, натываясь на всех, едва попадая в ритм громкой незатейливой музыки, падая, что-то выкрикивая и всячески демонстрируя, какой вы славный малый. Излишне напоминать, что

уровень подобного танца оставлял желать лучшего, и порой тоска брала от вида визжащих провинциальных девочек, с распрямившимися локонами, часто с порванными платьями и тающей под румянцем и потом косметикой. Но как бы то ни было, мы, те, кто от души веселился в шестьдесят восьмом, протанцевали галоп, и Бал королевы Шарлотты закончился до будущего года.

Квартира моих родителей находилась на первом этаже высокого дома в Уэзерби-Гарденс на улочке, идущей от Саут-Кенсингтона до Эрлс-Корта. В те дни это было примерно как от рая до ада, и моей матери казалось немаловажным, что квартира находилась существенно ближе к первому, чем ко второму. Сейчас оба конца улочки ценятся на вес золота. И так же, как в лондонском доме Далтонов, бывшую столовую викторианской семьи, для которой был построен дом, разделили на гостиную, прихожую и, в нашем случае, на кухню. Комната, бывшая некогда, скорее всего, библиотекой, превратилась в маленькое темное и довольно тесное помещение, где мы завтракали, обедали и ужинали. А из очаровательной утренней комнаты, выходящей на принадлежащий квартире садик и начинающийся за ним огромный общественный парк, общий для всего квартала, сделали две спальни, разделив шаткой стеной так, чтобы каждой спальне досталось по половине двустворчатой двери и по солидному куску окна. Мои родители, как и многие другие представители их поколения, отличались удивительной нетребовательностью к жилью. Когда позже, в семидесятых-восемидесятых, мы все принялись сносить стены, переносить ванны и благоустраивать чердаки, родители, особенно отец, взирали на все это с удивлением и чуть ли не ужасом, считая, что если бы Бог хотел видеть эту полочку на другом месте, Он бы устроил, чтобы так было, и кто такой мой отец, чтобы вмешиваться в планы Провидения? Довольно странно, если вспомнить, как их предки в XVIII и XIX веке без колебаний сносили древние фамильные дома, чтобы построить на их месте нечто более модное. Может быть, виновата привычка военного времени экономить на всем и обходиться тем, что есть.

Я уже лег и заснул, когда меня вытащил обратно на грань реальности настойчивый звонок в дверь. На мгновение этот звук принял форму звона церковного колокола, в который по какой-то странной причине звонил Уильям Эварт Гладстон, но затем я проснулся, а звон не прекратился.

Вид у Дэмиана был крайне виноватый.

– Прости, пожалуйста. Надо было попросить у тебя ключ. Но я подумал, что ты, может быть, захочешь идти с нами продолжать?

– Куда?

– Да мало ли. – Он беспечно пожал плечами. – Мы заглянули в «Гаррисон» выпить, потом съели по сэндвичу с кофе в домике на той стороне Челси-бридж.

Так повелось, что в течение года мы проделывали это довольно часто. Юноши и девушки в вечерних нарядах на рассвете стояли вместе с байкерами в очереди за сэндвичами с беконом, которые продавали в маленькой деревянной будке под громадной электростанцией. Славные были ребята эти мотоциклисты, обычно дружелюбные. Наш ухоженный внешний вид их больше веселил, чем задевал. Пусть у них все будет хорошо.

– На этом все закончилось?

– Не совсем, – улыбнулся Дэмиан. – Завершилось в доме Клермонтов.

– На Миле миллионеров.

– Рядом с Кенсингтонским дворцом.

– Да, это там, – кивнул я.

Каким же шикарным и подтянутым выглядел Дэмиан. Можно было подумать, что он собирается выходить, а не возвращается после, скажем так, долгой ночи.

– Вы много успели. Как вам все удалось?

– Серена предложила, – снова пожал плечами Дэмиан, – и я решил, почему бы и нет.

– Вы разбудили ее родителей?

– Маму – нет. А отец спустился и попросил нас поменьше шуметь. – Дэмиан незаметно окинул взглядом гостиную.

– Хочешь выпить? – предложил я.

– Ну, может, один бокальчик. Если ты ко мне присоединишься.

Я налил два бокала виски с водой.

– Льда положить?

– Мне – нет.

Он быстро учился.

– Куда делась Джорджина? Она была с тобой?

Дэмиан едва смог сдержать смехок:

– Нет, слава богу! Даже врать не пришлось. Они отвозили домой леди Белтон и Эндрю, и миссис Уоддила не дала Джорджине потихоньку ускользнуть.

Что-то в этом всем было очень неправильное.

– Бедняжка Джорджина! Боюсь, она в тебя чуть-чуть влюблена.

На этот раз он все-таки рассмеялся:

– Многим приходится нести эту ношу.

Мне подумалось, что в том возрасте, в котором мы тогда находились, иметь подобную уверенность в себе – это блаженство. Дэмиан принял зависть в моих глазах за оттенок неодобрения и тут же принялся меня убеждать:

– Ну перестань. Я выманил ее на Бал королевы Шарлотты. При всех будущих встречах я буду с ней дружелюбен. Ты же не можешь требовать от меня жениться на ней, потому что она первой позвала меня в свою группу.

Этого я, разумеется, требовать не мог.

– Просто не обижай ее, – предупредил я и провел его по коридору к тесной комнатке, которая обычно служила мне спальней. Но родители были за городом, и я решил спать у них в комнате. – Ты этого ожидал? – спросил я, когда мы уже закрывали двери. – Или осуждаешь?

– Не знаю, чего я ожидал, – задумавшись, ответил Дэмиан. – И я не вправе осуждать... Есть один момент... я постоянно замечаю его и, наверное, завидую. – (Я ждал.) – Вы все принадлежите к некоему сообществу, пусть даже трудно его описать. Вопреки мифу, вы не всегда знаете друг друга, да и не всегда любите. Но у вас есть некое чувство общности, которого нет у меня.

– Может, еще появится.

– Нет, – покачал он головой. – Пожалуй, мне этого и не хочется. Разве что ненадолго. У меня есть подозрение, что еще до конца сезона принадлежать некой общности буду я. А ты – не будешь.

Именно так и произошло.

Глава 4

Не могу с определенностью сказать, рассмеялся я или заплакал, услышав, что Люси Далтон выходит замуж за Филипа Ронсли-Прайса. Это было в конце семидесятых. Помню только, что для меня это оказалось потрясением. Удивительно нелеп он был не только из-за своих грубых и неуклюжих ухаживаний за Люси или за любой другой девушкой, которая соглашалась его выслушивать. Он уже родился нелепым. У него было плоское лицо, словно карнавальную маску уронили на дорогу и по ней проехался тяжелый грузовик. Землистая кожа была почти оливковой, но, как ни странно, не придавала его облику экзотичности. Он напоминал захворавшего средиземноморского лифтера, с круглыми влажными глазками, потонувшими в волнах морщин, – два яйца, жарящихся в жире. Очень скоро после помолвки я был приглашен на свадьбу и принял приглашение, но проходила церемония как-то натянуто и скомканно. Утратившая свою обычную жизнерадостность леди Далтон целовала гостей, вереницей проходивших мимо нее. Все традиции были соблюдены: старинная сельская церковь, шатер на лужайке, блюда малоаппетитных закусок, довольно неплохое шампанское, – но все как-то без особого оживления. Даже речи произносились формально. Единственное, что запомнилось, – это когда престарелый дядюшка Люси забыл, где находится, и обратился к нам как к соратникам по общему делу, хотя какое дело, по его мнению, нас объединяло, так и осталось тайной.

Все стало понятно, когда в самом начале следующего года Люси разрешилась девочкой. Некоторое время я потом виделся с этой семьей на неформальных ужинах, где собирались девушки вроде нее и юноши вроде меня, но задолго до того, как «Настольная книга Слоун-Рейнджера»²⁵ дала этому племени имя и характеристику. В мои дни их называли девушками в жемчугах, а нас – великосветскими оболтусами. Но я всегда был невысокого мнения о Филипе, даже когда балы отошли в прошлое и все мы начали немного взрослеть. Он был из таких людей, кто умудряется сочетать полную никчемность с невероятным высокомерием, и в конце концов жизнь понемногу нас развела. Кроме того, они с восторгом приняли шестидесятые, большая часть которых, как мы знаем, проходила в семидесятых. Как и многим другим, им пришлось искать способы справиться с разочарованием, настигшим их, как только стало ясно, что Эра Водолея так и не наступит. Они уехали из Лондона, а Филип перепробовал несколько профессий, или, как он это называл, «начинал карьеру в разных областях». Недавно я узнал, что последним его делом стал какой-то фермерский магазин, который они с Люси открыли в Кенте. К тому моменту они уже попытались счастья в обслуживании банкетов, оказании услуг по приему гостей, продаже спортивной одежды и еще, кажется, во всевозможных вариантах строительных проектов, так что питать больших надежд в отношении Филипа и Люси не приходилось. Когда я позвонил ей в первый раз за тридцать лет, то даже сомневался, действительно ли еще указанный в списке телефонный номер. Но Люси ответила, и после того как мы перебросились несколькими дежурными шутками, я сказал, что на следующей неделе окажусь неподалеку от ее мест и мог бы заглянуть, возобновить знакомство. Мое предложение вызвало легкое замешательство. Затем Люси произнесла:

- Конечно. Это замечательно. В какой день ты хотел зайти?
- Как скажешь. Я подстроюсь под тебя.

Это было не совсем честно, но я подозревал, что если назову конкретную дату, это, как на грех, окажется тот единственный день, когда она занята. А при таком предложении не было иного выхода, как благородно сдаться.

²⁵ *Слоун-Рейнджер* (от Слоун-сквер – площадь в Лондоне, между районами Белгравия и Челси) – молодой аристократ, проживающий в фешенебельном районе Лондона. В начале 1980-х годов стал популярен журнал «Настольная книга Слоун-Рейнджера».

– Только не рассчитывай на разносолы. На кухне я управляюсь не лучше, чем во времена последней нашей встречи.

– Я просто хотел взглянуть, как ты живешь.

– Польщена!

Судя по ее голосу, не слишком. Но тем не менее в следующий четверг я катил по узким дорогам Кента в сторону Пекхэм-Буша.

Я следовал по указанному маршруту: через центр, потом выехать из города и наконец по ухабистой дорожке свернуть в промежутки между двумя высокими изгородями на бывший двор фермы. Крупные вывески указали мне на ярко освещенный магазин и провели на парковку, где было предостаточно свободных мест, но старый фермерский дом с красной черепичной крышей стоял чуть позади этого деревенского торгового комплекса, и я остановился не на парковке, а перед домом. Из машины я вышел, только когда появилась Люси.

– Ну здравствуй! – сказала она.

Итак, мы не виделись много лет. Только при таких долгих перерывах можно заметить, насколько беспощадно время, и почувствовать разочарование, как я в тот момент.

Ее жизнь не всегда была такой. Я видел перед собой лишь усеченную версию ее образа времен нашей молодости. Люси была любимицей средств массовой информации, одной из первых светских львиц – предвестниц культуры поклонения знаменитостям, которая вскоре захлестнула наше общество. Но главное, что в отличие от большинства девушек она в полной мере восприняла дух бушующих шестидесятых, пусть и не настолько безоглядно, чтобы пугать матерей своих сверстниц. Она носила мини-юбки чуть короче, чем все, подводила глаза чуть темнее и изрекала фразы, которые заставляли журналистов смеяться. То одобряла этих славных грабителей поездов, то вдруг объявляла Че Гевару самым сексуальным в мире мучеником. Однажды ее попросили рассказать о радостном мгновении в ее жизни, и она ответила, что это было, когда на Пи Джей Проби²⁶ лопнули джинсы, – ее слова стали заголовком в «Ивнинг стандарт». Это был тихий бунт, подрыв принципов общества светских гостиных, одобрение ценностей, которым суждено было уничтожить ее мир, но сопровождавшееся лукавой усмешкой. Это производило фурор и укрепляло репутацию Люси, и во время сезона в «Татлере»²⁷ появлялись ее фотографии в рубриках, которые сегодня читаются как послания из «Земли, забытой временем»²⁸: «Дебютантки этого года», «Взгляните на моды», «Молодые законодатели традиций». Лорд Личфилд²⁹ попросил разрешения сфотографировать ее и получил его. Помню, как после этого какая-то ныне забытая телевизионная личность – понятие настолько новое, что звучало забавно, – пригласила ее на свое шоу. Разумеется, по настоянию матери Люси приглашение отклонила, но сама просьба подняла ее популярность.

От всего этого озорства и веселья на представшем передо мной печальном, усталом лице не осталось и следа. Она по-прежнему носила волосы до плеч, но упругость их пропала, они стали жидкими, редкими и начали седеть. Одежда, прежде броская, сейчас выглядела поношенной: старые джинсы и рубашка, обшарпанные туфли. Прикрыть наготу, не более того. Даже косметика лишь равнодушно обозначала принадлежность к женскому полу.

– Входи, – кивнула в сторону дома Люси.

После такого начала я с некоторым облегчением убедился, что время не обратило ее к домовитости. Можно было подумать, что в прихожей террористы только что взорвали бомбу, которая разнесла все семейные пожитки на новые и необъяснимые места. Бывает такой беспорядок в доме, который нельзя объяснить одной ленью его обитателей. В создание этого

²⁶ *Пи Джей Проби* (р. 1938) – американский певец, музыкант и автор песен, пользовавшийся большой популярностью в Англии в 1960-х годах.

²⁷ «*Татлер*» – английский журнал о светской жизни.

²⁸ «*Земля, забытая временем*» – роман американского писателя Эдгара Берроуза (1875–1950) и одноименный кинофильм.

²⁹ *Лорд Патрик Личфилд* (1939–2005) – известный английский фотограф; кузен королевы Елизаветы II.

хаоса вносят лепту своего рода гнев, протест против ценностей мира, и за него я был готов сделать Люси комплимент. Судя по виду, внутри дом был отделан в худший период семидесятых, с гнетуще яркими стенами, коричневыми с оранжевым, на них висели рамки с постерами незаслуженно разрекламированных фильмов, с массой тростниковой мебели и индийских тканей. Кухня, как и следовало ожидать, была обита сосновыми панелями, а горизонтальные поверхности выложены керамическими плитками, стыки между которыми почернели от копоти. По стенам было развешено множество полочек, где беспорядочно скопились разрозненные кружки, фотографии детей, украшения, выигранные на каких-то допотопных ярмарках, страницы из журналов, уже неизвестно зачем вырванные. И грязь. Люси огляделась, воспринимая все свежим взглядом, как бывает, когда в дом приходит чужой человек.

– Ох! Прости, у нас сейчас с деньгами туго. Давай я тебе чего-нибудь налью, и пойдем отсюда.

Она порылась в большом холодильнике, нашла огромную полупустую бутылку «Пино гриджо» и, прихватив из шкафчика под раковиной два сомнительных мутных бокала, повела меня в комнату, которая когда-то, видимо, была опрятной гостиной жены фермера, жившего здесь раньше – до того, как мир перевернулся с ног на голову.

В гостиной грязь и запустение угнетали еще больше, чем в остальных комнатах, через которые мы прошли. Впечатления добавляли потертые вязаные коврики, разбросанные по громоздким разрозненным креслам и диванам, и кирпичная книжная полка, обшитая деревом. Над камином криво висел довольно симпатичный портрет молодой женщины 1890-х годов как неправдоподобное свидетельство бывшего статуса, пришедшее из иного времени и иного места. За выщербленную раму были заткнуты два приглашения и счет. Люси увидела, куда я смотрю.

– Это мне мама подарила. Она считает, что с портретом вид в комнате будет поприличнее, – пояснила она и поправила картину.

– Кто это?

– Кажется, прабабушка. Точно не знаю.

На мгновение мне представилась та далекая леди Далтон, возвращающаяся после верхней прогулки, переодевающаяся к обеду, обрезающая розовые кусты. Как бы она отнеслась к своей роли в этой мусорной корзине?

– Где Филип?

– Боюсь, что в магазине. Филипу его не оставить. Я покормлю тебя, потом вместе туда сходим, – ответила Люси и глотнула вина.

– Как идет торговля? – шутливо осведомился я, поймав себя на том, что стараюсь говорить с задором. Хотя трудно сказать, кого я хотел подбодрить, ее или себя.

– Да нормально, – вяло улыбнулась она. – Мне так кажется.

Очевидно, еще один прожект Филипа был готов накрыться.

– Только вот магазин очень привязывает, – продолжила Люси. – Когда мы только собирались его открывать, я думала, друзья будут заходить поболтать, будем печь пироги и пить чай, а вышло иначе. Приходится стоять там часами, разговаривать с незнакомыми людьми, которые сами никогда не знают, чего им нужно. А когда заплатишь за все, ну, там, за товар, помощникам и так далее, остаются каких-то три пенса.

«Три пенса» она произнесла на старый манер: «трипнс». На секунду я почувствовал прилив ностальгии.

– Что вы будете делать, если придется закрыться?

– Даже не знаю, – пожала плечами Люси. – У Филипа есть идея сдавать людям в аренду картины.

– Какие картины? Каким людям?

– Знаю, знаю. – Люси разбила мои попытки скрыть недоумение. – Мне тоже не понять.

Он считает, что на этом можно неплохо заработать, но я не вижу как. Макароны будешь?

Я последовал за ней обратно в кишашую микробами кухню. Люси принялась доставать из холодильника мисочки с оставшейся от прошлого обеда потемневшей едой, двигать тарелки и с грохотом составлять вместе сковородки.

– Как мама? – спросил я.

– Нормально. Хорошо, – задумчиво кивнула Люси, словно этот вопрос уже почему-то ее долго занимал. – Ты знаешь, что они продали Херствуд?

– Нет, не знал. Сочувствую.

– Ни к чему! – Она решительно помотала головой. – Лучшее, что могло произойти. – Отчеканив это сурово, как указ русского царя, чтобы всем стало ясно, что никаких сожалений здесь быть не может, она позволила себе расслабиться и пояснить: – Это было года четыре назад, и в тот момент, конечно, все рыдали в три ручья, но других вариантов не было. Папа все подсчитал. И плюс еще в том, что теперь они совершенно свободны, впервые в жизни. Джонни унаследовать поместье никогда не стремился, так что... – Она задумалась, пытаясь найти еще не называвшееся слово, которое бы удачно подкрепило ее аргументы. Но не смогла. – Все хорошо.

Меня всегда удивляло, что пострадавшие от революции стараются продемонстрировать свою поддержку и одобрение перемен, которые их уничтожили. Видимо, это разновидность стокгольмского синдрома, при котором жертвы начинают защищать своих похитителей. За последние несколько десятилетий мы такого видели и слышали немало, особенно от аристократов, решительно желающих показать, что они не отстали от остальных. «Нельзя цепляться за прошлое! – жизнерадостно восклицают они. – Надо двигаться в ногу со временем!» Но на самом деле оставшееся для них направление движения, после того как были опорочены и уничтожены их ценности, – это вниз.

– Где они живут? – спросил я.

– Неподалеку от Чейни-Уок. У них квартира в многоэтажке.

– А Джонни с Дианой? Что стало с ними?

За тот сезон я познакомился с братом и сестрой Люси, не слишком близко, но достаточно, чтобы улыбаться и целоваться при встрече.

– У Джонни ресторан. В Фулеме. По крайней мере, был. Когда я последний раз с ним разговаривала, мне показалось, что дела пошли как-то криво. Но он справится. У него всегда масса идей.

– Он женат?

– Разведен. Два мальчика, но они живут с его бывшей недалеко от Колчестера, и это ужасно. Поначалу мама всячески старалась поддерживать отношения. Но ты же понимаешь, что такое для детей несколько часов в поезде. Все, чего мальчики хотели, когда добирались до нее, – это вернуться домой. Сейчас она уже меньше настаивает, но говорит, что станет легче, когда ребята подрастут.

Люси принесла неаппетитные тарелки с желто-серыми макаронами и какой-то жижей сверху – кажется, кроличьи потроха – и торжественно поставила мою порцию передо мной. Все та же выдавшая виды бутылка «Пино гриджо» снова вернулась в игру.

– Что за человек была его жена? – спросил я, без энтузиазма взявшись за вилку.

– Герда? Скучновата, если честно, но не слишком. Скажем так, ничего особенного собой не представляла. Шведка. Они познакомились в Гластонбери. На самом деле она мне, в общем-то, нравилась, и весь разрыв прошел очень цивилизованно. У них просто не было ничего общего. Сейчас она замужем за нейрохирургом, и это, пожалуй, расклад получше.

– А Диана?

Я всегда считал, что старшая сестра красивее Люси. Она была похожа на молодую Дебору Керр и в отличие от своей неистойвой сестры обладала неким душевным спокойствием, необычным для человека ее возраста. Мы все считали, что она удачно выйдет замуж, и, к неподдель-

ному восторгу своей матери, у нее, когда мы общались, были серьезные отношения с наследником графства на юге Шотландии. Правда, с тех пор я слышал, что в конце концов ничего из этого не вышло. Я заметил, этот вопрос проделал брешь в броне Люси, и понял, еще до того, как мне рассказали, что и здесь тоже не все в порядке. Похоже, со всеми Далтонами время обошлось сурово.

– Боюсь, у Дианы сейчас дела неважные. Она тоже развелась, но у нее все прошло довольно жестко.

– Я знаю, что она не вышла замуж за Питера Бервика.

– Да. К несчастью. Хотя я никогда не думала, что это скажу. Он всегда был такой чванливый и утомительный, когда они вместе выходили в свет, но сейчас, оглядываясь на эту пропасть времени, я думаю о нем как о потерянном рае. Муж Дианы был американцем. Его ты вряд ли знаешь. Я бы тоже с удовольствием не знала, если бы это было возможно. Они познакомились в Лос-Анджелесе, и он все время обещает вернуться туда, но до сих пор так и не вернулся. К сожалению.

Внезапно мне в красках вспомнилось, как Диана Далтон засмеялась над шуткой, которую я рассказал ей. Мы сидели рядом в обеденном зале Херствуда, готовясь ехать на бал, проходивший где-то неподалеку. Она в этот момент пила и от смеха выплонула все прямо на колени ни в чем не повинного лорда-лейтенанта, сидевшего по другую руку от нее.

– Дети у нее были?

– Двое. Но сейчас они, конечно, уже взрослые. Один в Австралии, второй работает в кибуце под Тель-Авивом. Это неприятно, потому что с тех пор, как она попала в Прайори³⁰, все заботы легли на меня и маму.

Еще одна фраза – и я бы закричал. Бедная леди Далтон! Бедный сэр Мармадюк! Чем они заслужили эту месть фурий? Когда мы в последний раз с ними виделись, они были идеальными представителями класса, который правил империей. Они управляли поместьями, играли важную роль в жизни графства, шокировали деревню, но в целом исполняли свой долг. И я прекрасно знал, что для своих детей они мечтали примерно о таком же будущем. Их мечты ничем не походили на то, что произошло с ними в реальности. Мне вспомнилось, как на Балу королевы Шарлотты леди Далтон осторожно допытывалась о моих видах на будущее. Какие прекрасные браки она распланировала для двух своих дочерей, хорошеньких, веселых и родовитых! Неужели от Вселенной ubyло бы, сбудься хотя бы одно из ее желаний? Но вместо этого через сорок лет все здание семейства Далтон – если представить все века их истории в виде крепости – рухнуло. Деньги закончились, а то немного, что осталось, скоро приберут нерадивый сын и безрассудный зять. Это если последние остатки не уйдут на оплату больничных счетов. И каковы же их преступления, раз они заслужили подобное наказание? Родители не поняли, как справиться с изменениями, которые несли с собой годы, а дети, все трое, верили в песню сирен из шестидесятых и вложили все в дивный новый мир, который им коварно пообещали.

У дверей послышался шум.

– Мам! Ты купила?

Я поднял глаза. Там стояла девушка лет двадцати. Она была высокая и могла бы показаться красивой, если бы ее не окутывала завеса гнева, не уродовали досада и нетерпение, словно мы беспричинно заставили ее ждать. Не в первый раз меня поразили еще один побочный продукт социальной революции последних четырех десятилетий: в наши дни родители нередко принадлежат к совершенно другому общественному классу, чем их дети. Это явно была дочь Люси, но говорила она с южнолондонским акцентом, резким и неблагозвучным, а косички и грубая одежда могли бы заставить стороннего наблюдателя решить, что девушка ведет тяжелую

³⁰ Прайори – психиатрическая больница в Лондоне.

борьбу за выживание в неблагополучном районе, а не проводит выходные с дедушкой-бароном. Поскольку я познакомился с Люси, когда она была примерно в этом возрасте, могу свидетельствовать, что они обе словно родились в разных галактиках. Почему родители мирятся с этим? Или просто не замечают? Не есть ли желание привить подрастающему поколению привычки и традиции своего племени одним из основных императивов в животном мире? И это явление затрагивает не только высшее общество. Повсюду в современной Британии родители воспитывают кукушат, пришельцев из чужих краев.

На меня вновь прибывшая не обращала никакого внимания. Она была озабочена единственно получением ответа на свой вопрос.

– Ты купила, мам? – Слова пронзительно звенели в воздухе.

– Купила, – кивнула Люси. – Но у них были только синие.

– Ну вообще!..

Я пишу «ну вообще», хотя на самом деле это было, скорее, «ну-вы-ще». Она говорила, как Элиза Дулитл, до того как ее взял в обучение Хиггинс.

– Я розовую просила! Я тебе сказала, что хочу розовую!

Вернее, «хчу ро-о-зы-ва-ю».

Ровный, терпеливый голос Люси даже не дрогнул.

– Розовых у них не осталось, поэтому я решила, что синяя лучше, чем ничего.

– Вот и не надо было! – Девушка резко развернулась и пошла наверх, кряхтя и громко топая.

– У тебя есть дети? – повернулась ко мне Люси.

– Так и не женился, – покачал я головой.

– Сейчас одно с другим не всегда связано! – рассмеялась она.

– В общем, да.

– Они порой с ума сводят. Но без них, конечно, никак.

Мне подумалось, что без только что состоявшегося выступления я бы обошелся с легкостью.

– Сколько у тебя?

– Трое. Маргарет старшая. Ей тридцать семь, и она замужем за фермером. Потом Ричард, ему тридцать, пытается пробиться в музыкальном бизнесе. И вот эта, Китти. Неожиданно получилась.

Нетрудно догадаться, что старшая представляла для меня особый интерес.

– А у Маргарет брак удачный?

– По-моему, да, – кивнула Люси. – Муж у нее, по правде сказать, не подарок, но никто не совершенен, а он, по крайней мере... надежный. Ей, кажется, именно это и важно.

«Ну хоть так», – подумал я.

– У них четверо детей, и она продолжает вести бизнес. Не представляю, как справляется, но у нее раз в шестьдесят больше энергии, чем у любого из нас.

Над столом замаячил призрак Дэмиана.

– Значит, у тебя были большие перерывы. Я про детей.

– Да. Это безумие! Только подумаешь, что больше не придется греть бутылочки и возить за собой детские кровати, как все начинается сначала. Двадцать лет каждый раз, как мы загружали машину, чтобы уехать на выходные, мы напоминали беженцев, пытающихся выбраться из Праги, пока не нагрянули русские! – засмеялась она, вспомнив себя. – Я, конечно, не собиралась так рано начинать, но когда Маргарет... – Она оборвала себя на полуслове, и ее смех превратился в неловкое хихиканье.

– Когда Маргарет – что?

Люси бросила на меня стыдливый взгляд:

– В наши дни люди не обращают внимания на такие дела, но, когда мы поженились, она уже была на подходе.

– Не хочу тебя расстраивать, но большинство из нас еще тогда прикинули, что здоровые дети редко рождаются пятимесячными.

– Конечно, – кивнула она. – Просто тогда о таком не говорили. А потом все забылось. – Люси помолчала, затем подняла на меня взгляд. – Ты с кем-нибудь видишься из наших тогдашних общих знакомых? Откуда вдруг возник такой интерес?

– Не знаю. – Я постарался как можно невозмутимее пожать плечами. – Взглянул на карту и увидел, что проезжаю как раз мимо твоего дома.

– Но с кем ты продолжаешь поддерживать связь?

– Сейчас я совсем в другой среде, – покачал я головой. – Я писатель. Меня приглашают на приемы издателей, на викторины ПЕН-клуба и на вручение премии за самый плохой секс в беллетристике. Дни светских бесед с графинями из Камберленда для меня остались в прошлом.

– Так ведь и для всех они остались в прошлом?

– Иногда хожу на охоту. Когда пригласят. Если какой-нибудь раскрасневшийся майор нетвердой походкой подойдет ко мне через весь зал и скажет: «Мы, кажется, учились с вами в одной школе?» или «Вы ведь приходили на бал к моей сестре?» – то отвертеться не удастся. Меня всегда до потери дара речи потрясает, что я принадлежу к одному поколению с этим скучным надравшимся стариканом. – (Люси молчала, чувствуя, что я уваливаю от темы.) – Но на некоторые знакомые лица иногда натыкаешься. Недавно видел на благотворительном балу Серену.

Кажется, я смог подтвердить невысказанные подозрения.

– Да, я так и думала, что ты, наверное, видишься с Сереной.

– На самом деле не вижу. Практически нет.

Люси удивленно подняла брови, и я, чтобы сдвинуться с мертвой точки, отважился произнести:

– Кстати, совсем недавно видел Дэмиана Бакстера. Помнишь его?

Последний вопрос можно было и не задавать.

– Конечно помню! – Она переменилась в лице. – Я же там была, ты помнишь.

– Была, – подтвердил я.

– Да и все равно никто не забудет этого сердцеда года! – На сей раз в ее смехе прозвучала легкая горчинка. – Наверное, он сейчас ужасно богат.

– Ужасно богат и ужасно болен.

– О господи! – С Люси в момент слетела вся веселость. – Он поправится?

– Не думаю.

– Ох... – Эта новость загнала всю обиду обратно, и Люси стала рассуждать философски: – Когда-то я смеялась, вспоминая, как наши матери уводили нас от него подальше. Если бы они тогда знали, что он чуть ли не единственный из всех наших партнеров по танцам смог бы удержать этот корабль на плаву! Он женился?

– Да, но женат был недолго, и его жену ты не знаешь.

Люси помолчала, осознавая услышанное:

– Он мне страшно нравился.

Мне начало надоедать собственное напускное неведение.

– Откуда тебе было знать, что так обернется, – сказал я.

– Все потому, что к тому моменту ты уже начинал его ненавидеть. Мне не хватало смелости сказать тебе. Я тебя расстроила?

– Немного. Ты всегда делала вид, что тебе он неприятен так же, как мне. Даже до того случая. Еще когда мы с ним были друзьями.

Через это возражение Люси с легкостью перешагнула.

– Это было давно. – Из философского ее тон стал меланхоличным. И тут же, словно устыдившись мимолетной слабости, она собралась с духом. – Я бы вышла за него замуж, если бы он сделал мне предложение.

– Что бы на это сказала твоя мать?

– А мне все равно. На самом деле был момент, когда мне, может быть, пришлось бы заставить его силой. – Она негодуя хмыкнула вслед этим словам. Я ожидал продолжения. – Когда я забеременела Маргарет, то точно не знала, от кого она, – усмехнулась Люси.

Я чуть не ахнул. Неужели мне удалось забить гол с первого же удара? Лишь огромным усилием я заставил себя молчать и дать ей закончить рассказ.

– На тот момент мы с Дэмианом уже почти не встречались. Но потом был один эпизод, однажды днем в Эшториле... – смущенно хихикнула она. – Вы все были на террасе, а я тайком сбежала и... – Видимо, вид у меня был неодобрительный, потому что Люси иронично фыркнула. – Это были шестидесятые! Мы уже говорили тогда «дитя природы»? Этот термин уже изобрели? Не помню. В общем, это про меня. Очень забавно, потому что Маргарет – самая правильная из моих детей. Нет, даже единственная правильная.

Ситуация была мне знакома.

– Наши родители часто говорили, что в любой семье есть проблемный ребенок, – ответил я. – Теперь, похоже, норма – когда есть один непроблемный. Если повезет.

– Ну вот, в нашем доме – это Маргарет! – рассмеялась Люси. – И это даже странно, потому что в детстве она нас очень напугала.

– Чем?

– Сердце. Так несправедливо, когда это случается с ребенком, правда? У нее началась такая штука, которая называется «семейная гиперхолестеринемия».

– Как-как?

– Я сама с месяц училась это произносить.

– Сейчас у тебя просто с языка слетает.

– Так оно всегда. Поначалу даже выговорить не можешь, а потом так поднатореешь, что хоть клинику открывай. – Люси на несколько секунд растворилась в воспоминании о том ужасном эпизоде своей жизни, который с тех пор не забылся. – Забавно. Сейчас я даже посмеяться об этом могу, но тогда все казалось таким жутким. Это значит, что организм вырабатывает слишком много холестерина, отчего в конце концов случается сердечный приступ, который человека убивает. Это сегодня слово «холестерин» – в каждой бочке затычка, но тогда оно звучало по-иностранному и пугающе. И раньше эта болезнь была стопроцентно неизлечимой. Первый доктор, который поставил Маргарет этот диагноз, в одной больнице в Стоке, считал, что и сейчас неизлечим. Так что можешь себе представить, что нам пришлось пережить.

– Что ты делала в Стоке?

– Сейчас уже не помню. А, кажется, у Филипа появилась идея возродить фарфоровую фабрику. Долго она не протянула.

Только что мне приоткрылась еще одна страница долгой и запутанной истории несостоявшейся карьеры Филипа.

– В общем, приехала моя мама, схватила нас в охапку и увезла к одному специалисту на Харли-стрит, и новости стали порадостнее.

– То есть к тому моменту, как Маргарет заболела, болезнь уже научились лечить?

– Вполне, слава богу! – кивнула Люси, заново переживая испытанное когда-то облегчение. – Но совсем недавно, буквально года за четыре до нашего визита. Мы долго не могли оправиться от шока. Несколько месяцев жили в страхе. Помню, однажды ночью я проснулась и вижу, что Филип склонился над ее кроватью и плачет. Сейчас мы об этом не заговариваем, но

каждый раз когда я на него сержусь, то вспоминаю ту минуту и прощаю его. – Люси замялась, борясь с голосом совести. – По крайней мере, стараюсь простить, – прибавила она.

Я кивнул. Легко было понять, почему она прощает его. Филип, рыдающий по своему невинному ребенку в полутемной детской, был не только намного благороднее, но и в тысячу раз содержательнее, чем бальный фанфарон, которого я знал.

– Но что мы никак не могли понять, – продолжала Люси, – это почему нам все говорили, что это только наследственное, но ни он, ни я не знали, чтобы в наших семьях встречалось такое заболевание. Расспросили родителей, разузнавали – никаких следов. Но так или иначе, мама нашла нам чудесного доктора, и как только мы начали лечиться, все прошло. – Люси помолчала. Видимо, на эту территорию она отваживалась заходить нечасто. – Я порой думаю, что, может быть, страсть Маргарет к простой, обычной жизни возникла оттого, что ей грозило так рано эту жизнь потерять. Ты не согласен со мной?

Вся эта речь имела непосредственное отношение к делу, которое привело меня в Кент, но не успел я произнести и слова, как почувствовал, что у двери кто-то есть.

– Здравствуй, незнакомец!

Там стоял помятый, обрюзгший мужчина, лишь отдаленно напоминающий юношу, которого я знал как Филипа Ронсли-Прайса. В дни нашей зеленой молодости Филип ходил на молодого и гораздо более симпатичного и бойкого актера Бэрри Эванса, известного тогда по фильму «Here we go round the mulberry bush»³¹, где он изображал одного из нас, человека, который хотел быть современным, но не знал как. Таких людей много в любое время, что и обеспечило Эвансу популярность. К сожалению, его звездная карьера продлилась недолго. Бывший актер был найден мертвым в компании пустой бутылки виски в возрасте пятидесяти двух лет, последние три из которых он водил такси в Лестере. Припоминаю, что от полиции требовали расследования обстоятельств смерти Эванса, анализа улик, среди которых числились обрезанные телефонные провода и прочие странные детали, что не на шутку тревожило его родственников, но полиции было наплевать. Полагаю, их решение было бы иным, если бы несчастный мистер Эванс погиб в зените славы.

Глядя на Филипа, стоящего в дверном проеме, трудно было избавиться от мысли, что выпавшая ему судьба обошлась с ним почти так же жестоко. На нем были древние, все в пятнах, плисовые брюки, потертые мокасины и клетчатая рубашка с обтрепанным воротником. Очевидно, старая одежда была отличительным знаком этой семьи. Как и я, он набрал вес и начал лысеть. В отличие от меня Филип приобрел рябое, покрасневшее лицо пьющего человека. Больше всего его выдавал потухший, усталый взгляд глаз, напоминавших яичницу-глазунью, – весьма характерный для людей, родившихся в благородном семействе, но опустившихся. Он протянул мне руку с усмешкой, которая, видимо, казалась ему лукавой:

– Рад тебя видеть, старик! Что занесло тебя в нашу дыру?

Он взял мою ладонь и пожал ее тем безжалостным, заставляющим собеседника морщиться рукопожатием, которым пользуются такие люди, как он, в тщетной попытке убедить, что от них еще многое зависит. Люси, только что так романтично распространявшаяся о муже, теперь негодовала, что ей не дали договорить.

– Что ты тут делаешь? Мы бы сейчас пообедали и пришли. Кто в магазине?

– Гвен.

– Одна?! – Тон стал резким и назидательным. И предназначался не только Филипу, но и мне.

Явным намерением Люси было показать мне, что ее муж – ни в чем не разбирающийся болван. Всего минуту назад ее захлестнул трогательный пафос облика заливающегося слезами отца, но сейчас ей важно было продемонстрировать, что их жизнь пошла наперекосяк вовсе

³¹ «Вокруг тутового куста».

не по ее вине. На первый взгляд такое поведение нелогично и противоречиво, но встречается нередко. Их брак дошел до той стадии, когда жена, а возможно, и муж могли проявлять снисхождение и благородство по отношению к другому в его отсутствие, но при физическом присутствии своей второй половины начинали срываться. Этот эмоциональный парадокс нередко встречается в культурах, где развод до сих пор считается проявлением слабости. Даже сегодня высший класс и верхи среднего класса находят, что страдать от несчастной личной жизни, по крайней мере признаваться в этом, – банально и пошло, поэтому на публике, да и с близкими друзьями говорить необходимо так, будто все связанное с семьей у них блестяще. Для большинства из них самое предпочтительное – поддерживать легенду при условии, что рядом нет никого, чье присутствие может испортить спектакль. Обычно все придерживаются этой линии поведения, вплоть до критического момента. Он может оказаться для окружающих весьма неожиданным, так как среди них часто вращаются множество пар, с виду вполне довольных жизнью, и вдруг внезапный телефонный звонок или приписанная на рождественской открытке строчка внезапно оповестит окружающих о разводе.

– Справится! – кивнул Филип в ответ на ее строгий вопрос. – Больше часа никого не было.

В этом незатейливом отчете о состоянии его бизнеса звучало смирение и безнадежность. Необходимое в этой сфере деятельности лицедейство отняло у Филипа всю энергию. Он был в состоянии стоять за прилавком, но с восторгами расписывать свою каторгу было выше его сил. Он взял с буфета ложку и полез в кастрюлю с макаронами.

– Люси говорит, ты теперь писатель? Я что-нибудь мог из твоего читать?

Это был особый способ обороны – через попытку умалить меня и мои занятия, но не верю, что сделано было по злему умыслу. Филип подозревал, и подозревал справедливо, что я не одобряю его, и показывал, что сохраняет за собой право не одобрять меня. Всякому человеку моего круга и моего поколения, решившему зарабатывать на жизнь искусством, это отношение знакомо. В юности наш выбор профессии все, и родители, и друзья, считали полнейшим безумием, но пока мы пробиваемся, наши более трезвомыслящие современники рады подбадривать нас, и сочувствовать нашим начинаниям, и даже подкармливать. Беда приходила, когда мы, работники цеха искусств, достигали успеха. Сама мысль о том, что мы можем зарабатывать деньги или, хуже того, зарабатывать больше денег, чем наши взрослые и благоразумные знакомые, была сродни дерзости. Они-то избрали скучную дорогу, чтобы обеспечить себе стабильность. Но обеспечить стабильность, по пути наслаждаясь радостями жизни, – это безответственность, заслуживающая порицания.

– Вряд ли, – улыбнулся я. – Потому что если бы ты что-нибудь читал, то наверняка запомнил бы, кто автор.

Филип поднял брови, глядя на жену, словно шутливо намекая, что я капризный артист, которому надо потакать.

– Люси читала кое-какие твои книги. Насколько я понимаю, она очень высокого о них мнения.

– Я рад. – Мне неудобно было комментировать, что его замечание делает предыдущий его вопрос неуместным.

Мои слова утонули в молчании. Вокруг словно все остановилось, и мы трое это чувствовали. Такое часто случается, когда старые друзья собираются вместе после многолетнего перерыва. Перед встречей они представляют себе, как произойдет нечто взрывное и увлекательное, но потом оказывается, что перед ними унылая группа людей старше средних лет, у которых уже нет ничего общего. Семейство Ронсли-Прайс проделало большой совместный путь, я прошел свой, и сейчас мы были всего лишь трое незнакомых людей на очень грязной кухне. Кроме того, я должен был получить нужную информацию, прежде чем считать свое путешествие окончательным, а получить ее, пока Филип с нами, я не мог. Группу пора было разбивать.

– Покажете мне магазин? – спросил я.

Последовала пауза, в воздухе повисло нечто невысказанное. Полагаю, это было всего лишь мужское стремление Филипа представить себя как равного мне в достижении жизненного успеха, что даже при моих достаточно скромных достижениях могло оказаться непростой задачей, когда я увижу его бизнес своими глазами. Или, может быть, это Люси внезапно поняла, что после совместно проведенного дня я увезу с собой впечатление, будто у них не все идет гладко. Большинство из нас питает затаенное желание, чтобы сверстники видели нас преуспевающими, но сейчас эти желания Люси оказались под угрозой.

– Конечно, – помолчав, все же кивнул Филип.

Меня не удивило, что магазин оказался бестолковым. Знаменательно, что его разместили в бывшем загоне для скота, переделанном на скорую руку и без должных вложений. Непременные деревянные прилавки и полки навесили бодрый, хотя и натужный оптимизм. Яркие разноцветные объявления над ними неестественно крупными красными надписями от руки объявляли о дух захватывающем разнообразии товара: «Свежие овощи! – кричали они. – Домашние джемы и конфитюры!» Но в этом навевающем зевоту пустом помещении они приобретали гнетущий и жалкий вид, как у человека, который одиноко сидит за обеденным столом в бумажном колпаке. Пол был дешевый, потолок плохо покрашен. Как я и предвидел, весь магазин был забит предметами, которые никто в здравом уме не захочет купить. Помимо консервированных паштетов из дикого кабана или гусиных крылышек, там были устройства, не дающие вину в холодильнике потерять аромат, и шерстяные стельки для рыбалки. Подарки для рождественских чулок, которые мог купить и подарить только тот, кто ничего не знает об этой традиции. Мясной прилавок выглядел особенно непривлекательно, даже для такого плотоядного существа, как я, и начисто отбивал охоту исследовать его подробнее. Единственный покупатель расплачивался за цветную капусту. Если не считать его, в магазине было пусто. Мы молча озирались.

– Вся беда от этих «моллов»! – Филип растянул последнее слово, неуклюже изображая американский акцент в попытке обратить свою тоску в шутку. – Понастроили их. Не угнаться за ценами, только в трубу вылетишь.

Я задумался, говорить или нет, что в трубу они, похоже, вылетят в любом случае.

– Везде говорят, что люди сейчас беспокоятся об экологии, им важно, где выращены продукты, но... – Он вздохнул.

Вместо задуманного ироничного пожатия плечами у Филипа бессильно сторбилась спина. Искренне признаюсь, что в тот момент мне было его невероятно жаль. Не важно, что раньше я его недолюбливал. В конце концов, мы ведь были знакомы очень долго, и я не желал ему зла.

Известно, что суровые периоды истории характеризует не структура рынка, не амбиции, которыми движим новый владелец фабрики или новая хозяйка гостиницы, не новый прорыв на театральных подмостках и не новый триумф на политической сцене. Все это не меняется от эпохи к эпохе. Иным становится уровень инерции жизни, протекающей за ярким и строгим фасадом. В более мягкие времена, как те, на которые пришлось моя молодость, во всех социальных классах, на каждом уровне общества люди скромных способностей могут легко плыть по течению. Для них найдется работа. Им устроят жилье. Чей-то дядюшка похлопочет. Чья-то матушка замолвит словечко. Но когда обстоятельства становятся жестче, то, как сейчас, выигрыши крупнее, но путь тяжелее. Слабаков выталкивают локтями, пока они не упадут и не соскользнут в пропасть. И неквалифицированных рабочих, и нерасторопных землевладельцев одинаково сминает система. Они не могут с ней совладать и оказываются сброшенными с дороги. Одним из тех, кто оказался на обочине, был Филип Ронсли-Прайс. Подсознательно он считал, что бравада поможет ему удержаться, что у него есть шарм и связи и все получится, как бы он ни решил прожить жизнь. Увы, связи оказались ненужными, шарм – фикцией. Сейчас

ему под шестьдесят, и никого не осталось в живых, кому было бы дело до того, пошел он ко дну или еще держится на плаву.

Я никогда не симпатизировал Филипу в молодости, но сейчас я пожалел его. Его раздавили наши «интересные времена», и подняться ему было уже не суждено. Впереди его ждали попытки хоть как-то свести концы с концами, коттедж в наследство от кузины и попытки сдавать его, надежда, что его упомянут в завещании, когда последняя тетушка прикажет долго жить, беспокойство о том, смогут ли дети выделять ему какую-то сумму регулярно. Только на это оставалось рассчитывать, и можно было лишь гадать, согласится ли Люси до конца все это с ним разделить. Зависело от того, какие еще ей представятся возможности. Мы оба все понимали, когда неловко пожимали друг другу руки на улице.

– Приезжай еще в гости, – сказал Филип, зная, что я больше не появлюсь.

– Приеду, – солгал я.

– Не жди следующего раза так долго. – И он ушел к своим просторным прилавкам и пустой кассе.

Люси проводила меня до машины. Я остановился:

– Ты добралась до исходной причины состояния Маргарет? – (Она озадаченно глянула на меня.) – Ты сказала, что заболевание наследственное, но ни с твоей стороны, ни со стороны Филипа не нашлось никаких следов.

– Именно. Конечно, меня одолевали самые мучительные подозрения. Я все время думала, что надо было тщательно изучить медицинскую карту Дэмиана.

– Но ты этого не сделала.

– Нет. Я уже была готова во всем признаться и скрепя сердце предложить посмотреть его карту, но тут мы узнали, что от той же болезни в детстве умерла тетя Филипа, старшая сестра его матери. А его мать даже об этом не знала. И другие ее дети тоже не знали. Теперь ты можешь себе представить, каково нам было в те дни. Им всем просто сказали, что Отец небесный забрал к себе их сестру, потому что любил ее. И всё. – Она поморщилась.

– Как вы узнали?

– Просто повезло. Моя свекровь разговаривала со своей матерью, которой тогда уже, наверное, был миллион лет, и по какой-то причине свекровь рассказала ей о Маргарет. До того мы ничего не говорили бабушке о болезни, потому что не хотели ее волновать. Но на этот раз она наконец узнала правду, и у нее сразу полились слезы, как из пожарного крана, и она, плача, все и выдала.

– Бедная женщина!

– Да, бедная старая женщина. Конечно, она винила себя, и отчасти это ее и доконало. Мы все убеждали бабушку, что ее вины нет, что эта болезнь больше не убивает и так далее, но мне кажется, ей было уже все равно, – печально улыбнулась Люси. – Так загадка и разрешилась. Трагедия в том, что тетю легко могли спасти, правильно подобрав лекарства, но это происходило в двадцатых годах, когда все лечение сводилось к горячему питью и холодным компрессам, да еще выдирали гланды прямо за кухонным столом. Но главное, что Маргарет с тех пор больше не болеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.